

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№42

март 2015

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 42
март 2015 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	Страны ССАГПЗ против нормализации отношений с Ираном <i>Владимир Алексеев</i>33
Провал Ближневосточной стратегии США <i>Владимир Алексеев</i>6	Что ожидает Россию, если Иран переходит в орбиту США <i>Владимир Алексеев</i>37
Нетаньяху в Конгрессе США: торжество лжи и истерии.....12	Бригадный генерал Касем Сулеймани: Рай там, где поле битвы <i>Игорь Панкратенко</i>42
Иран-Пакистан: «Подводные камни» на пути партнерства <i>Игорь Николаев</i>16	Али Хаменеи о сотрудничестве с США: «Не дождетесь!».....47
Республиканцы грозят сорвать ядерную сделку с Ираном <i>Константин Карабанов</i>20	На чьей стороне Иран? <i>Гейдар Джемаль</i>51
Иранский бизнес заходит в Туркменистан <i>Виктория Панфилова</i>22	Йемен: иранская экспансия или саудовская интервенция? <i>Николай Егоров</i>56
США хотят одного — смены режима в Иране <i>Владимир Алексеев</i>24	Внешняя политика Ирана: осетинское направление <i>Амелина Я. А.</i>61
Средняя Азия оказалась под ударом религиозных коалиций <i>Станислав Тарасов</i>29	

Краткое содержание номера

Приход к власти президента Хасана Роухани резко обострил полемику в экспертных кругах относительно политического курса ИРИ. В течение многих лет казалось совершенно однозначным, что в силу жесткой оппозиции Исламской республики Западу, и в первую очередь США, Ирану как бы «некуда деваться», как только «прибиться» к России. Почему к России?

Парадоксальным образом, Россия, которая по всем ключевым вопросам, определяющим состояние мировых дел, подыгрывает Западу, вместе с тем, вопреки очевидности, унаследовала от Советского Союза имидж альтернативного полюса. Разумеется, журнал «Современный Иран» не мог оказаться в стороне от обсуждения этого животрепещущего вопроса. И часть материалов очередного, 42-го номера излагают различные позиции по этой дискуссии.

Ближний и Средний Восток всегда был важнейшим приоритетом в мировой стратегии США. Для Вашингтона этот регион не только является территорией, богатой нефтяными и газовыми ресурсами, но и местом, где сосредоточены экстремистские силы — главное оружие Соединенных Штатов. Ближний и Средний Восток по-прежнему является базовой точкой в глобальной стратегии США, и опирается она главным образом на своих стран-союзников региона, которые попали под волну политических волнений. Насколько успешна реализация этих целей и задач? На этот вопрос отвечает материал **«Провал Ближневосточной стратегии США»**.

Лицемерие США в отношении Ирана еще раз подтверждено 11 марта, когда президент Обама продлил на один год введенные против Тегерана санкции. Получается, что, с одной стороны, Вашингтон вместе с остальными членами «шестерки» международных посредников ведет переговоры по ИЯП с иранскими представителями, конечным исходом которых должно стать снятие всех санкций против ИРИ, введенных как через СБ ООН, так и на национальном уровне, а с другой — продлевает их, хотя 15 марта в Монтре должен пройти еще один раунд переговоров по иранской ядерной программе с участием госсекретаря Джона Керри, а до конца июня должно быть подписано соглашение об окончательном решении вопроса с ИЯП в обмен на прекращение санкционного режима. Казалось бы, никакой логики в действиях Белого Дома нет. Но это не так. Подробности — в статье **«США хотят одного — смены режима в Иране»**.

Чем ближе процесс завершения переговоров по ИЯП, тем ожесточеннее становится сопротивление успешному исходу переговоров со стороны наиболее активных участников антииранской коалиции — Тель-Авива и «Священного союза арабских монархий» во главе с Эр-Риядом.

Более того, речь Нетаньяху в Конгрессе США неоднократно прерывалась бурными аплодисментами публики, до отказа заполнившей зал. Израильский премьер-министр не сказал о ядерной программе Ирана ничего нового — все та же смесь бездоказательных обвинений, которую мир слышит от него уже 20 лет. Но главная цель «неистового Биби» была достигну-

та — американские конгрессмены еще раз подтвердили, что в большинстве своем остаются его верными союзниками в борьбе с Тегераном. О нюансах выступления — в материале **«Нетаньяху в Конгрессе США: торжество лжи и истерии»**.

На Западе и в аравийских монархиях уже давно стали раздаваться истеричные крики о том, что пока многие ожидают заключения соглашения по ИЯП, иранцы «под шумок» переговоров продолжают закрепляться в странах региона: Ираке, Йемене, Сирии. Некоторые эксперты стали даже рассуждать о том, что судьба этих государств стала разменной монетой на переговорах Ирана со странами Запада. В глазах правителей стран ССАГПЗ заверения Вашингтона в прозрачности готовящейся сделки с Тегераном, которые он предоставил монархиям Персидского залива и некоторым другим арабским странам, выглядят весьма неубедительно. Об этом и других аспектах — статья **«Страны ССАГПЗ против нормализации отношений с Ираном»**.

Сегодня в многоэтапной тридцатипятилетней эпопее постшахских взаимоотношений между Москвой и Тегераном наметился определенный итог. О его особенностях рассказывает материал Гейдара Джемала **«На чьей стороне Иран?»**. *«Вечная проблема Ирана заключается в том, что он никогда в психологическом, идеологическом и цивилизационном планах ни от кого не зависел, но у него при этом не хватало организационных и технологических ресурсов, чтобы превратить эту фундаментальную внутреннюю независимость во внешнеполитический суверенитет... Поэтому Иран в силу разных причин (в том числе по ментальности) не может находиться и не находится ни на чьей стороне: ни на стороне Запада, ни на стороне России. Как был на протяжении всей истории важнейшим самостоятельным игроком, так таковым и остался», — считает автор.*

«Что ожидает Россию, если Иран переходит в орбиту США?» Прогноз развития событий в случае реализации именно такого пессимистического сценария пытается дать автор одноименного материала, особо подчеркивая, что *«если ИРИ перейдет в орбиту влияния США, то вскоре на южном побережье Каспийского моря могут появиться американские военные базы, как военно-морские, так и военно-воздушные. А это — прямая угроза Поволжью и Северному Кавказу. России придется существенно наращивать там войсковую группировку и создавать полноценный военно-морской флот, выстраивать заново систему ПВО и т. д.»*.

Впрочем, на вопрос о возможном сотрудничестве с США более чем красноречиво ответил не кто иной, как Верховный лидер Ирана Али Хаменеи. *«Переговоры, которые ведутся с Соединенными Штатами, касаются только ядерной программы. И ничего больше», — подчеркнул он.* Может ли в случае благополучного завершения переговоров произойти сближение позиций США и Ирана по региональным вопросам? Более того — станет ли возможным сотрудничество Тегерана и Вашингтона в отношении самых острых проблем Ближнего Востока, в первую очередь борьбы с «Исламским государством»? *«Ни в коем случае. Задачи и цели США в регионе прямо противоположны целям Ирана и глубоко враждебны ему», — заявил Рахбар,* отвечая на невысказанный вопрос, который волновал всех собравшихся. Об этом — в материале **«Али Хаменеи о сотрудничестве с США: „Не дожидетесь!“**.

Региональная политика Ирана — направление, которому редакция журнала «Современный Иран» всегда уделяет повышенное внимание. Не стал исключением и этот наш 42-й номер. **«Внешняя политика Ирана: осетинское направление»**, статья известного российского исследователя, главы Кавказского геополитического клуба Яны Амелиной, рассматривает этот малоизученный аспект. *«Несмотря на давние исторические связи персов и осетин, хронология осетино-иранских контактов последних пятнадцати лет показывает, что вплоть до конца 2013 г. они развивались от случая к случаю, главным образом, по инициативе тех или иных официальных представителей ИРИ. Отправной точкой перехода их на новый качественный уровень стало назначение нового посла ИРИ в РФ (9 декабря 2013 г. им стал Мехди Санаи, в начале двухтысячных годов руководивший культурным центром иранского посольства в Москве), а также необходимость диверсификации и интенсификации транспортных потоков по маршруту Иран-Закавказье-Россия для Тегерана»*, — отмечает автор.

Газопровод и стабильность на границах — решение двух этих важнейших проблем, казалось бы, создает серьезные предпосылки для тесных партнерских отношений между Тегераном и Исламабадом. Более полутора миллионов паломников-шиитов из Пакистана, ежегодно посещающих Иран, должны цементировать эти предпосылки религиозными и культурными скрепами. Но, к сожалению, в отношениях между двумя этими странами достаточно «подводных камней», о которые постоянно спотыкаются попытки укрепить взаимное партнерство. Подробнее об этом — в материале **«Иран-Пакистан: „Подводные камни“ на пути партнерства»**.

В марте нынешнего года Президент ИРИ посетил Туркменистан с двухдневным визитом, и на переговорах с туркменским коллегой Гурбангулы Бердымухамедовым отметил, что *«Тегеран и Ашхабад продолжают выстраивать близкие отношения в рамках плодотворного сотрудничества»*, основы которого были заложены сразу после обретения Туркменистаном независимости. Как отмечают эксперты, двусторонние отношения строятся исключительно на базе экономической целесообразности, почти игнорируя политические разногласия. На переговорах с туркменским лидером Рухани отметил, что «обе страны должны использовать все свои возможности для расширения двусторонних связей». По итогам переговоров было подписано 17 соглашений о развитии отношений в экономической, культурной, политической, правовой, научно-технической сферах. По словам Рухани, подписанные документы не только будут способствовать дальнейшему развитию отношений между двумя странами, но и принесут пользу всему региону. О состоянии дел в ирано-туркменских отношениях — в статье **«Иранский бизнес заходит в Туркменистан»**.

И, разумеется, не остался вне поле зрения один из самых острых конфликтов региона — ситуация в Йемене. Истерические заявления беглого президента Мансура Хади о том, что «если Иран возьмет под свой контроль Баб-эль-Мандебский пролив, то ему не надо уже будет иметь атомную бомбу» нашли отклик в арабских столицах. Но все ли безупречно в версиях, которые предлагают нам масс-медиа, рассказывая о Йемене? В некоторой степени ответ на этот вопрос дает материал **«Йемен: иранская экспансия или саудовская интервенция?»** *«Интервенция в Йемен — это отнюдь не „возня на задворках географии“. Ирак, Сирия, Йемен — это звенья одной цепи,*

эпизоды борьбы Эр-Рияда за региональную гегемонию и борьбы Вашингтона за гегемонию глобальную. И с этой точки зрения представлять события в этой многострадальной стране как „ирано-саудовское противостояние“, никакого отношения к остальному миру не имеющее, — очень близорукий и ошибочный взгляд», — отмечает автор материала.

И еще об одном материале, которым информационный портал Iran.ru и редакция журнала «Современный Иран» начинает свой новый проект — цикл политических портретов выдающихся деятелей Исламской республики. Первым героем первого очерка из этого проекта — **«Бригадный генерал Касем Сулеймани: Рай там, где поле битвы»** — стал человек, против которого США ввели персональные санкции, а с десяток разведслужб готовы платить по миллиону долларов только за информацию, где конкретно находится в тот или иной момент командир легендарной иранской спецслужбы «Аль-Кодс». Всю свою жизнь генерал Касем Сулеймани посвятил одной цели — защите Ирана и идеалов Исламской революции. И сегодня он является одним из самых влиятельных людей на Ближнем Востоке. *«Обычно в представлении людей рай — это захватывающий красочный пейзаж, журчание ручьев, красивые женщины. Но есть и другой вид рая — это поле боя», —* сказал он в одном из интервью. И продолжил: *«Поле боя за свою страну».*

Что можно добавить к этим замечательным словам? Только то, что редакция журнала «Современный Иран», 42-й номер которого предлагается вашему вниманию, продолжит свой рассказ о патриотах и политиках, являющихся сегодняшним лицом Исламской республики.

Владимир Алексеев

Провал Ближневосточной стратегии США

Ближний и Средний Восток всегда был важнейшим приоритетом в мировой стратегии США. Для Вашингтона этот регион не только является территорией, богатой нефтяными и газовыми ресурсами, но и местом, где сосредоточены экстремистские силы — главное оружие Соединенных Штатов. Ближний и Средний Восток по-прежнему является базовой точкой в глобальной стратегии США, и опирается она главным образом на своих стран-союзников региона, которые попали под волну политических волнений. Но, несмотря ни на что, укрепление американских позиций на Ближнем Востоке является одним из основных элементов глобальной стратегии США.

Неарабские приоритеты США

Турция рассматривается американским руководством в качестве ключевого геополитического центра Евразии, способного внести необходимый вклад в достижение Соединенными Штатами своих целей в регионе. Внутривосточные и геостратегические особенности Турции позволяют видеть в ней «мост» между Западом и исламским миром. Очевидно, что Турция по замыслу Вашингтона призвана играть в реализации этого сотрудничества роль «важного элемента сближения Запада и исламского мира». Это соответствует основополагающему принципу внешней политики администрации Барака Обамы — «расширение глобального сотрудничества». Однако между США и Турцией сохраняются противоречия по некоторым региональным проблемам Ближнего Востока. Так, по Ирану между Соединенными Штатами и Турецкой Республикой существуют глубокие разногласия. По мнению США, Турция недооценивает озабоченность Запада относительно иранской ядерной программы (ИЯП). Кроме того, Турция не поддерживает введение санкций против Исламской республики. Более того, Анкара, продолжая действовать в своих интересах, заключила с Ираном ряд соглашений в энергетической сфере, продемонстрировав, таким образом, свою самостоятельность и стремление повысить авторитет среди мусульманских стран. США беспокоит и то, что Турция активно развивает партнерство с Россией, прежде всего в энергетической сфере, и может стать альтернативным вариантом «Южному потоку».

Иран стал одним из главных приоритетов внешней политики администрации Барака Обамы. Так же, как и бывший президент Джордж Буш, Барак Обама готов при необходимости использовать с целью помешать Тегерану приобрести ядерное оружие любые меры, включая и военные, но в то же время демократы выразили свою готовность к прямому диалогу с Тегераном. После избрания летом 2013 года президентом ИРИ Хасана Роухани, известного своими либеральными и прозападными взглядами в отличие от его предшественника Махмуда Ахмадинежада, Вашингтон пошел по своей инициативе на прямой диалог с ним, прежде всего по вопросу вопроса ИЯП. Ставка была сделана персонально на Хасана Роухани и его команду, так как в Белом Доме прекрасно понимали, что иранские консерваторы и «силовики», прежде всего командование КСИР, не пойдут на уступки по принципиальным вопросам ИЯП.

Это было крупнейшей ошибкой Вашингтона, который с самого начала не стал скрывать своих намерений через переговоры добиться таких результатов, которые бы означали де-факто капитуляцию Тегерана в обмен на отмену торгово-экономических и финансовых санкций. Иранцы же смогли просчитать, что американцев совершенно не волнует ни ИЯП, ни режим нераспространения, ни стабильность в регионе, а стремление добиться трансформации иранского общества, а затем и смены нынешнего правящего режима в ИРИ на прозападный. Это обеспечило бы вхождение Ирана в орбиту американского влияния и получение доступа американских компаний к богатейшим нефтегазовым ресурсам страны. В случае пробуксовки с переговорами по ИЯП в качестве запасного варианта США готовят организацию «цветной революции» с опорой на мощную «пятую колонну», на либерально-прозападные круги и оппозицию в этнических меньшинствах (азербайджанцы, курды, белуджи и т.д.). Кроме того, Вашингтон не знает, как добиться нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией и странами Совета сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ) в целом, без которой ситуация в Персидском заливе останется взрывоопасно напряженной.

Ближний Восток. Что касается позиции по ближневосточному конфликту, что также является приоритетным направлением американской политики США, то администрация Барака Обамы признает полное право Израиля на обеспечение собственной безопасности, но с учетом «легитимных политических и экономических надежд палестинского народа». Вашингтон относится с «глубоким сочувствием» к желанию Израиля обезопасить себя от ракет ХАМАС, и постоянно призывает эту группировку отказаться от насилия и признать официально Израиль. По мнению нынешней американской администрации, решением этой проблемы может стать заключение длительного мирного соглашения, которое позволит Израилю обеспечить свою безопасность и установить добрососедские отношения с приграничными странами, а палестинцам даст независимость, экономический прогресс и безопасность в их собственном государстве. Существенную роль здесь Белый Дом отводит посредничеству Египта и Иордании. Но дела с урегулированием идут ни шатко, ни валко, пока Обама не может или не хочет оказать необходимое воздействие на премьер-министра Биньямина Натаньяху, который продолжает жесткую линию по отношению к палестинцам, включая их умеренную часть во главе с Махмудом Аббасом.

«Цветные революции»

Как это ни горько признавать Вашингтону, но его участие в «цветных революциях» в арабском мире закончилось провалом ближневосточной стратегии Обамы. В течение 2011–2014 гг. в рамках реализации своей концепции региона большого Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА), цель которой была демократизация по западному варианту арабских стран, США фактически упустили контроль над ситуацией, чересчур близко сблизившись с исламистами, в том числе радикальными. В Вашингтоне почему-то не поняли, что свободные выборы в арабских странах приведут к власти именно эти силы, а вовсе не прозападных либералов. А надежды на их «вестернизацию» обернулись иллюзией с весьма печальным результатом.

Первой жертвой противоречивой по своей сути политики Вашингтона стала самая крупная страна арабского мира — Египет, который всегда был стратегическим союзником Белого Дома по многим региональным вопросам, включая ближневосточное урегулирование. В результате, власть там захватили не прозападные силы светского типа, которые начали протестные выступления против Хосни Мубарака, а радикально-исламистская ассоциация «Братья-мусульмане», причем с опорой на мощную финансовую помощь еще более радикального ваххабитского Катара, откуда многими процессами управлял идеологический наставник «Братьев-мусульман» в международном масштабе шейх Юсеф аль-Кардави. Лишь вмешательство военной верхушки во главе с генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси, совершившей государственный переворот, смогло вытащить Египет из процесса погружения в исламистскую вакханалию и экономический хаос. Причем сделано это было с помощью Саудовской Аравии, которая была взбешена наглостью Катара. Однако и сейчас США находятся в ступоре, не зная, что делать с Египтом дальше. Чтобы избавить эту страну от нынешних проблем, нужно слишком много финансовых средств. Но что бы уже ни произошло, это уже мало поможет репутации американцам, поскольку на территории Ближнего и Среднего Востока сейчас царят сильные антиамериканские настроения.

Позиции США на Ближнем и Среднем Востоке до «цветных революций» были весьма твердыми и устойчивыми. Но им показалось этого мало, они захотели вообще переформатировать (путем организации «цветных революций») этот регион по-своему и нажили себе, фактически на ровном месте, много врагов.

После политических волнений в Тунисе и Египте, закончившихся «цветными революциями», нестабильная обстановка воцарилась в целом ряде стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, в том числе Бахрейне, Йемене, Ливии и Сирии. Однако президент США Барак Обама в конце февраля 2011 года заявил, что «все страны разные», каждое из государств отличается своими особенностями и обладает собственными традициями. Тем самым он фактически оправдал вторжение саудовских войск на Бахрейн, а затем и прямое участие США в свержении режима Му-

После политических волнений в Тунисе и Египте, закончившихся «цветными революциями», нестабильная обстановка воцарилась в целом ряде стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, в том числе Бахрейне, Йемене, Ливии и Сирии

аммара Каддафи. И что мы имеем в результате? Ливия и Судан раздираемы межплеменными войнами, Египет бьется с «Братьями-мусульманами», Ливан остался без правительства, Хизбалла сражается с «Аль-Каидой», Сирия бьется с международными террористами, финансируемыми Саудовской Аравией. Ирак находится в состоянии гражданской войны, а Иран окружен санкциями и ведет переговоры по своей ядерной программе. Контролируемый хаос, теорию которого разработали стратеги в Вашингтона, сменился на никем не управляемый хаос.

Однако ярче всего двойные стандарты ближневосточной политики США проявились в Ливии и Сирии, где Вашингтон искусственно организовал сначала гражданские конфликты, а затем и исламистские вооруженные выступления против законных властей Триполи и Дамаска, которые, кстати, вели себя достаточно лояльно по отношению к Западу. Идя на поводу Саудовской Аравии и Катара, американцы наспех сколотили противоестественные коалиции из стран ЕС и ССАГПЗ, то есть соединив «просвещенную» Европу со средневековыми консервативными монархиями Аравии. После долгих месяцев войны, используя авиацию под прикрытием резолюций СБ ООН, Вашингтон, Эр-Рияд и Доха смогли сбросить режим Муаммара Каддафи. Тогда они одержали победу, которая скоро стала пирровой, так как уже через несколько месяцев страна стала разваливаться на куски, где правили местные бандитские группы, а сейчас на первые роли выходит ИГИЛ.

Только в Сирии номер не прошел. Ужаснувшись ливийского сценария, сирийский народ сплотился вокруг Башара Асада и дал отпор альянсу НАТО с ваххабитами Аравии. Да и Россия и Иран, осознав коварство Запада, пришли на помощь Дамаску.

Приоритетом США остается Саудовская Аравия и ее сателлиты

После политического переворота в Египте администрация Барака Обамы заняла более осмотрительную позицию в связи с возможным повторением сюжета в Бахрейне. Несмотря на то, что Бахрейн — это всего лишь небольшое островное государство в Персидском заливе, эта страна входит в круг важных военных, стратегических и геополитических интересов США. В Бахрейне дислоцирован пятый флот ВМС США, эта страна является стратегической базой Соединенных Штатов. Бахрейн также рассматривается Штатами в качестве важной опоры по сдерживанию распространения влияния Ирана. В Белом Доме исходят из того, что Бахрейн является важным стратегическим ресурсом США в Персидском заливе, а также местом, где Соединенные Штаты «не смогут принять смену правительства». Именно здесь проявился двойственный подход Вашингтона к уважению прав человека, когда суннитское правящее меньшинство при опоре на саудовскую военную силу расправилось с шиитским большинством населения, которое требовало лишь одного — прекращения его дискриминации по религиозному признаку.

Еще большее значение для США имеет политика в отношении Саудовской Аравии — главного союзника в регионе и наиболее важной страны для американцев в военно-политическом и экономическом плане. Именно ей

отводится роль американского «жандарма» в Персидском заливе, ключевого противовеса усилению влияния Ирана. Обладая крупнейшими запасами нефти, КСА имеет особое место в энергетической стратегии США, обеспечивая энергетическую безопасность западных союзников Америки. Кроме того, королевство является самым крупным покупателем американского оружия — на десятки миллиардов долларов, обеспечивая заказами американский ВПК. И какими бы ни были расхождения между Вашингтоном и Эр-Риядом, их союз в ближайшее время останется непоколебимым. В этом плане у КСА нет конкурентов в регионе. Не случайно во время болезни короля Абдаллы американцы ежедневно мониторили состояние его здоровья, чтобы после смерти монарха обеспечить плавный переход власти к преемнику без потрясений и неожиданностей. Именно поэтому в Тегеране должны понимать — даже вернувшись в орбиту американского влияния, Иран еще долго не сможет занять место королевства. Оно — «священная корова» для ближневосточной стратегии Америки.

Именно из-за этого Вашингтон так упорно борется с хусистскими повстанцами-шиитами в Йемене — южном подбрюшьи КСА. Они ориентируются на Иран и, как уверены в Эр-Рияде, представляют угрозу безопасности королевству, которое видит в шиитах главный источник опасности самому своему существованию. Отсюда и готовность США закрывать глаза на самые жесткие подавления саудовскими силами безопасности выступлений шиитского населения Восточной провинции Саудовской Аравии, где добывается почти вся ее нефть. Можно быть уверенным — если дело дойдет до возможности раскола КСА и выхода из ее состава шиитских районов, американские войска появятся в королевстве почти сразу. Тем более что они уже размещены на базах в Кувейте, Катаре и на Бахрейне. Так что Саудовская Аравия — это самое слабое место США на Ближнем Востоке. Любые проблемы там означают головную боль для Вашингтона.

Стратегия Вашингтона породила ИГИЛ

И, наконец, еще одна проблема в регионе, на решение которой Вашингтон бросил свои лучшие стратегические умы, — борьба с радикальным исламом в лице ИГИЛ. В свое время, заигрывая с исламистами, которые боролись против Башара Асада, США способствовали становлению и укреплению этой организации. Подобные вещи — норма для американской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке. Она была применена для борьбы с СССР в Афганистане, что закончилось созданием «Аль-Каиды», которая вышла из-под контроля «создателя» и нанесла мощный удар по США в целом ряде мест, и в первую очередь в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года. Тайные контакты американцев с «Братьями-мусульманами» в Египте закончились исламистской революцией в этой стране. Затем настала очередь Йемена. Ну, а теперь мы наблюдаем расширение зоны влияния Исламского халифата, созданного ИГИЛ всего несколько месяцев назад на территории Ирака и Сирии. Более того, открыт и «второй фронт» ИГИЛ — в Ливии, что уже непосредственно вблизи Европы. И если так пойдет дальше, то нельзя исключать создания исламистского государства от Тигра до Нила с продолжением в Магриб. И все это — результат ошибочной стратегии Вашингтона.

* * *

Увлечшись конфронтацией с Россией под предлогом событий на Украине, США элементарно потеряли контроль над развитием ситуации на Ближнем Востоке. И теперь не знают, что делать дальше. Скорее всего, им придется все-таки вернуться в регион Ближнего Востока и Северной Африки, забыв про Украину. Иначе Америка лишится главного — контроля над основными нефтегазовыми богатствами мира (а действовать одновременно на двух направлениях США уже не смогут, нет ни сил, ни средств, ни потенциала). Пока же Вашингтон на перепутье. Тем более что нет гарантий, что процесс распространения ИГИЛ это остановит. Есть основания полагать, что линия невозврата пройдена. Но если США смогут укрыться за океаном, то Европе бежать некуда. Отсюда напрашивается вывод: американская стратегия «демократизации» РБВСА не просто провалилась, но и может закончиться глобальными катаклизмами, которые могут привести к новым потрясениям по всему миру.

Нетаньяху в Конгрессе США: торжество лжи и истерии

Речь Нетаньяху в Конгрессе США неоднократно прерывалась бурными аплодисментами публики, до отказа заполнившей зал. Израильский премьер-министр не сказал о ядерной программе Ирана ничего нового — все та же смесь бездоказательных обвинений, которую мир слышит от него уже 20 лет. Но главная цель «неистового Биби» была достигнута — американские конгрессмены еще раз подтвердили, что в большинстве своем остаются его верными союзниками в борьбе с Тегераном.

На встрече 2 марта с активистами Американо-израильского комитета по общественным связям (AIPAC) израильский премьер с оттенком самодовольства признал, что «никогда столько не писали о речи, которую еще не произнесли». И здесь он абсолютно прав, поскольку его решение исполнить свой «святой долг» — открыть глаза американским конгрессменам и сенаторам на «иранскую угрозу» — вызвало бурю эмоций как в самом Конгрессе, так и в Белом доме.

Сам по себе факт приглашения республиканцами израильского премьера выступить в Конгрессе со своими соображениями по поводу ядерной сделки с Ираном — без согласования с администрацией Обамы и даже без предварительного уведомления о таком шаге — справедливо был расценен командой американского президента как оскорбительный демарш. Да, Джон Бейнер, спикер Конгресса имел на это право, но подобного рода действия нарушают неписанный протокол отношений между ветвями власти в Вашингтоне, а потому были точно охарактеризованы американской прессой как попытка «дать администрации Обамы по носу».

Впрочем, главная причина опасений Белого дома в отношении выступления «неистового Биби» крылась не в протоколе. Более всего команду американского президента беспокоило то, что в полемическом запале, столь свойственном израильскому премьеру, когда речь заходит об Иране, он сболтнет лишнего о подробностях секретных переговоров между представителями Тегерана и Вашингтона, которые велись с 2012 года. С учетом того, что их ход затем обсуждался на конфиденциальных брифингах с израильской стороной, у Нетаньяху скопился масса интересного материала о подлинной картине американо-иранских переговоров, большое количество пикантных подробностей о ближневосточной политике администрации Обамы, неизвестных широкой общественности, в том числе и Конгрессу США. Поэтому буквально накануне выступления, 2 марта, ведомство Джона Керри еще раз послало Нетаньяху просьбу не говорить лишнего, не разглашать секретные

подробности. «Разглашение любой информации такого рода, разумеется, нарушит доверие», — заявила официальный представитель Госдепартамента Мари Харф.

Судя по всему, израильский премьер подобным просьбам внял, а потому и тон Белого дома в отношении его выступления стал гораздо мягче. За два дня до «исторического» выступления «неистового Биби» в Конгрессе Джон Керри заявил, что рад приветствовать его в США, дезавуировав тем самым реплику помощницы Обамы по национальной безопасности Сьюзан Райс о том, что выступление Нетаньяху в конгрессе может иметь «разрушительное воздействие на отношения между двумя странами».

О чем говорил в Конгрессе «неистовый Биби»

По сути, израильский премьер в очередной раз изящно отшантажировал Белый дом: вы не мешаете мне выступать, я не буду говорить лишнего. И поскольку о пикантных подробностях американской дипломатии он пообещал молчать, а достоверных фактов о «коварных замыслах» Ирана по созданию ядерной бомбы у него нет, свое выступление Нетаньяху построил на эмоциях и голословных утверждениях. «Я планирую говорить об иранском режиме, который угрожает уничтожить Израиль, который поглощает страну за страной на Ближнем Востоке, который насаждает террор по всему миру и в этот самый момент разрабатывает потенциал для создания ядерного оружия — в больших количествах», — изложил он свои «мартовские тезисы» активистам AIPAC за сутки до появления на трибуне Конгресса. И, нужно признать, не подвел — эмоциональная речь его задела самые глубокие антииранские чувства в сердцах почтенной публики.

Впрочем, для «разогрева» аудитории начал он с другого — со слов благодарности за поддержку Израиля обеим ведущим партиям США, республиканцам и демократам. «Союзнические отношения Израиля и США были, есть и останутся в будущем выше политики», — заявил он в начале выступления, тут же сорвав за эти слова овации аудитории. Ну а затем все пошло по накатанной, в полном соответствии с тем, что и сам Нетаньяху, и ястребы в Тель-Авиве говорят уже не один десяток лет. «Идеология революционного режима нынешнего Ирана уходит своими корнями в воинствующий ислам и идею джихада. Самая большая угроза в этом мире — это смесь воинствующего ислама и ядерного оружия. Мы не должны этого допустить».

И вообще, по мнению Нетаньяху, не какое-то там «Исламское государство» или «братья-мусульмане», спонсируемые монархами Персидского залива, не террористы и суннитские радикалы, а именно «сегодняшний Иран является угрозой не только для Израиля, но и для всего ближневосточного региона». Мало того, Тегеран, — как поведал «неистовый Биби» обомлевшей от таких выводов аудитории, — еще и нагло обманывает МАГАТЭ, успешно скрывая от его инспекторов свою ядерную программу. О каких договоренностях и о каком снятии санкций с такого «государства-монстра» может идти речь?

«Станет ли Иран менее агрессивным, если будут сняты санкции?» — обратился Нетаньяху к конгрессменам с вопросом, на который сам же и ответил: «Внешняя политика Ирана станет лишь более агрессивной и опасной,

это знают его соседи, которые тоже захотят обзавестись ядерным оружием, и в результате весь регион превратится в пороховую бочку». Видимо, сейчас там, по мнению израильского премьера тишь, гладь и мирная идиллия. Прежде чем договариваться о снятии санкций, Тегеран, как считает «неистовый Биби», должен прекратить свою агрессивную политику по отношению к своим соседям, перестать поддерживать международный терроризм и перестать угрожать существованию Израиля: «Если Иран хочет, чтобы к нему относились, как к нормальной стране, пусть он ведет себя, как нормальная страна». А до этого времени — только давление и санкции, никаких соглашений и сделок: «Лучше никакая сделка, чем плохая сделка. Это очень плохая сделка. Без нее нам будет лучше». И совершенно очевидно, что под «нами» Нетаньяху имел в виду не только себя, но и все антииранскую коалицию, одной из частей которой является именно Конгресс США.

Каким будет эффект от выступления Нетаньяху?

На выступлении израильского премьера был полный аншлаг, на который не повлияла неявка более 60 сенаторов и конгрессменов от Демократической партии. Каждый член Конгресса имеет право на один лишний билет на такие мероприятия, который обычно перепадает кому-то из его друзей или избирателю из его округа. А «историческая», хотя правильнее было бы сказать «истерическая» речь Нетаньяху вызвала в Вашингтоне такой ажиотаж, что эти «контрамарки» пользовались накануне бешеным спросом.

Да, Нетаньяху и Обама сильно недолюбливают друг друга, да они смотрят на мир по-разному. Как по-разному смотрят на Израиль и две партии США — демократы и республиканцы. Но ни один американский политик не в состоянии игнорировать ни произраильское лобби, ни мнение общественности. Согласно последнему опросу Гэллапа, 70 процентов американцев в целом положительно относятся к еврейскому государству. Все пропагандистские усилия администрации Белого дома по созданию негативного образа Нетаньяху в общественном сознании привели лишь к незначительным колебаниям рейтинга и самого Израиля, и его премьера — в прошлом году к Тель-Авиву были благосклонны 72 процента опрошенных.

Чтобы там ни говорилось об особой позиции сенаторов-демократов по «иранскому вопросу» и их поддержке курса на переговоры, который проводит Белый дом и Госдепартамент, но никакого твердого курса на нормализацию отношений с Тегераном у них нет. А республиканцы становятся все настойчивее в требованиях ужесточить американскую позицию на переговорах по иранской ядерной программе. В Белом доме антииранским заявлениям израильского премьера не верят. Что признал и сам американский президент в интервью агентству Reuters: «Когда мы впервые объявили об этом временном соглашении, премьер-министр Нетаньяху делал самые разные заявления. Что это будет ужасная сделка. Что это приведет к тому, что Иран получит помощь на сумму в 50 миллиардов долларов. Что Иран не будет выполнять соглашение. Ничего из этого не случилось». Но отношения Обамы и «неистового Биби» — это одно, а политика США в отношении Тегерана — совершенно другое.

Никакое принципиальное соглашение по иранской ядерной программе Вашингтону не нужно, нужна только демонстрация миролюбия и миротвор-

чества, документ, который будет иметь исключительно пропагандистский эффект, документ, который ни к чему США не обязывает. Ничем иным нельзя объяснить самую «свежую» инициативу Обамы, о которой он заявил все в том же интервью Reuters: «Для подписания международного соглашения по иранской ядерной программе Тегеран должен заморозить ее как минимум на 10 лет». И тут же признал, что шансы на достижение такого соглашения по-прежнему меньше 50 процентов. Что, впрочем, неудивительно — с какой стати иранское руководство должно идти на поводу США, в очередной раз объявивших, что «правила игры» на переговорах поменялись?

* * *

Речь Нетаньяху в Конгрессе США, абсолютно лживая и бездоказательная, наполненная измышлениями и пропитанная истерией, была направлена на то, чтобы напомнить американскому президенту, кто именно формирует политику США в отношении Тегерана. Демонстрация силы и влияния антииранской коалиции в Конгрессе прошла успешно. Аншлаг и аплодисменты влиятельной публики были весьма убедительным намеком Обаме на «неправильность» его поведения в отношении Ирана. Намеком, который Белый дом скорее всего услышал, понял и принял к исполнению.

Игорь Николаев

Иран-Пакистан: «Подводные камни» на пути партнерства

Газопровод и стабильность на границах — решение двух этих важнейших проблем, казалось бы, создаст серьезные предпосылки для тесных партнерских отношений между Тегераном и Исламабадом. Более полутора миллионов паломников-шиитов из Пакистана, ежегодно посещающих Иран, должны цементировать эти предпосылки религиозными и культурными скрепами. Но, к сожалению, в отношениях между двумя этими странами достаточно «подводных камней», о которые постоянно спотыкаются попытки укрепить взаимное партнерство.

Минувший 2014 год был одним из самых «урожайных» для дипломатов двух стран. Визит пакистанского премьера Наваза Шарифа в Иран завершился подписанием девяти меморандумов и протоколов, охватывающих важнейшие сферы отношений между Тегераном и Исламабадом. Случись их реализация, пусть и не полная, а, скажем, хотя бы на две трети, и вполне можно будет говорить о столь модном ныне «стратегическом партнерстве», делающим эти части Востока более безопасной и стабильной.

Но не все так просто. На диалог и сотрудничество Пакистана и Ирана серьезно влияют и «третьи силы» — США, Китай, Индия и Саудовская Аравия. И, что порою более важно, груз противоречий, взаимных опасений и недоверия, накопившийся за долгие годы соседства. Заверений в дружбе, звучащих от официальных лиц двух стран, более чем достаточно. Более того, вопреки внешнему давлению того же Вашингтона, у политического руководства что в Тегеране, что в Исламабаде, есть четкое понимание необходимости укрепления партнерства и реализации совместных проектов в сфере экономики и безопасности. Есть и сухие цифры, стимулирующие диалог, — за то время, что идут переговоры по поставкам иранского газа, потребность Пакистана только возрастает. Сегодня для стабильного развития ему уже необходим объем импорта в размере 50 млн кубометров в сутки или 18,25 млрд кубометров «голубого топлива» в год.

Но если говорить о реальных результатах, то здесь перед нами предстанет достаточно нерадостная картина. Какого-либо прорыва в вопросе строительства газопровода «Иран-Пакистан» (IP) в ближайшее время, скорее всего, не произойдет. 900-километровая граница между двумя странами по-прежнему остается «горячей точкой». И не только потому, что внешние игроки всячески стараются помешать решению данного вопроса. Хватает и внутренних противоречий.

Газопровод IP — закулисная интрига

Нет никаких сомнений, что основными противниками газопровода «Иран-Пакистан» являются Вашингтон и Эр-Рияд. Причем, и американцы, и саудиты, обладают вполне серьезными рычагами для срыва этого проекта. Достаточно вспомнить, что в 2012 году, когда казалось, что все необходимые соглашения между Тегераном и Исламабадом по строительству IP вот-вот будут подписаны, на территории Пакистана произошел всплеск активности как местных террористических группировок, так и «внезапно» появившихся гражданских активистов. Стремясь сорвать подписание документов по этому проекту, посол США в Исламабаде Ричард Олсон, отбросив всякую дипломатию, открытым, что называется, текстом, заявил о возможном введении санкций против страны в случае продолжения реализации идеи газопровода.

А буквально через пару недель, уже в январе 2013 года, в качестве демонстрации возможностей Вашингтона влиять на Пакистан, столица страны была на несколько дней парализована «маршем миллионов», выступавших против «корруптированной политической системы». Официальный лидер этих акций протеста, теолог Тахир Кадри, до этих событий был мало кому известен. А уже после митингов и демонстраций — ушел в тень также быстро, как и появился. Впрочем, в том, кто за ним стоял и кто его спонсировал, у пакистанского руководства и тени сомнений не возникало. Поэтому к столь непрозрачному намеку из Вашингтона о возможной «цветной революции» или, как минимум, массовым беспорядкам, в Исламабаде отнеслись более чем серьезно.

Оказавшись между молотом — всплеском терактов — и наковальней — внезапно возросшей гражданской активностью, власти Пакистана решили не рисковать и начали откровенно «притормаживать» проект IP. Вызвав этим вполне естественное раздражение в Тегеране. Тем временем, пока происходили эти «подковерные интриги», начало меняться и отношение к газопроводу в пакистанском обществе.

Ни на Ближнем, ни на Среднем Востоке ни для кого не секрет, что Тегеран стремится стать центром региональной газораспределительной сети. Отношение к этому самое разное, но настороженности, опасений оказаться в «зависимости» от Ирана на сегодняшний день гораздо больше. Аргумент о том, что подобная «газовая зависимость» — штука взаимная, что на рынке продавец так же становится зависим от «капризов» покупателя — правящими элитами ряда стран, от Турции до того же Пакистана, всерьез не воспринимается.

В ответ они вполне логично возражают, что с учетом внутренних иранских резервов потребления, Тегеран без особых проблем найдет, куда «построить» непроданный газ. А вот для его импортеров ситуация может стать критической. Кроме того, Иран не раз довольно резко высказывал озабоченность ростом насилия против пакистанских шиитов, что порождает в Исламабаде опасения, что этот вопрос может быть увязан затем с газовыми поставками. Выход из этой сложной ситуации — и иранский газ получить, и внешних неприятностей не нажить — руководство страны сегодня ищет через возможности Китая, в том числе — через предлагаемый им проект «нового экономического пространства Шелкового пути». Вариант решения

проблемы видится Исламабаду в два этапа. Первый — строительство завода по производству СПГ в Гвадаре, который будет связан с соответствующим терминалом этого порта. А второй этап — строительство трубопровода из Ирана, замкнутого на этот завод, — Пекин должен решить с Тегераном самостоятельно. Выступив, таким образом, как гарантом этой сделки, так и переведя ее из плоскости отношений между Пакистаном и Ираном в плоскость договора между Ираном и Китаем.

«Пылающая граница»

Состояние дел на 900-километровой границе между Ираном и Пакистаном также служит источником взаимных конфликтов. Главная и вполне обоснованная претензия Тегерана к Исламабаду заключается в том, что он не в состоянии перекрыть границу со своей стороны. Караваны с наркотиками и проникновение террористических группировок на иранскую территорию, бои пограничников с бандами контрабандистов и вооруженными экстремистскими группировками — это будни приграничья. Возразить на это обвинение Пакистану нечем. Граница с Ираном не является приоритетом для армии, которая сконцентрирована на «индийском» направлении. Центральные власти слабо контролируют пакистанский Белуджистан. А один из основных военно-политических игроков страны — межведомственная разведка — далеко не безгрешна по части контактов с радикальными суннитскими группировками на иранской границе, будь то Джундалла или набирающая силу Джейш уль-Адль.

Но если эта иранская претензия остается без ответа, то вытекающее из нее требование Тегерана позволить ему самому более активно бороться с терроризмом и наркотрафиком, в том числе и на пакистанской территории, вызывает откровенное сопротивление Исламабада. Здесь, кстати, вполне уместно будет заметить, что пакистанские власти очень внимательно отслеживали операцию иранской армии и Корпуса стражей исламской революции по созданию «зоны безопасности» вдоль границы с Ираком, на иракской же территории. Операция эта мало того, что прошла успешно, — после создания 40-километрового «буфера» боевиков «Исламского государства» оттуда как повымело — так еще и не оправдались прогнозы западных скептиков о том, что Иран с занятых территорий больше не уйдет. После девятидней существования военнослужащие Исламской республики вновь отошли на свои границы, делом доказав искренность намерений и отсутствие планов «поглощения других государств», в чем совсем недавно «неистовый Биби» Нетаньяху обвинял Тегеран с трибуны Конгресса США.

Но проблемы ирано-пакистанского приграничья, к сожалению, гораздо глубже и, не побоюсь этого слова, запущеннее. Что пакистанская, что иранская часть Белуджистана давно стали ареной для игр и американской разведки, и саудитов. Те и другие, активно работая в Белуджистане, целят не в одного, даже не в двух, а сразу в трех «зайцев». Во-первых, используют рост сепаратизма как рычаг давления на пакистанские власти. Во-вторых, сформировали вполне полноценный фронт необъявленной войны против Ирана. Ну и, в-третьих, поддерживая напряженность и нестабильность в Белуджистане, серьезно препятствуют реализации китайского проекта «нового Шелкового пути».

А под прикрытием битв разведок, под бесплодными дипломатическими дискуссиями Тегерана и Исламабада, развитие ситуации в Белуджистане тем временем пошло по одному из самых негативных сценариев — сепаратизм и терроризм тесно сомкнулся с трансграничным наркотрафиком, с сотнями миллионов, если не миллиардом, долларов годового оборота. Вашингтону теперь достаточно лишь «координировать» боевиков, саудитам достаточно продолжать «экспорт» идеологии салафизма и засылку миссионеров. Деньги на оружие и организацию терактов боевики, окопавшиеся в Белуджистане, теперь могут получать самостоятельно и в весьма приличных объемах. По сути, Пакистан не в состоянии обеспечить безопасность на границах с Ираном. Но и в Тегеране, по большому счету, понимают, что военного решения «белуджской проблемы» не существует. А без ее решения невозможно реализовать и идею газопровода IP, который должен проходить в районе «пылающей границы».

* * *

Нынешний год вполне может стать годом решения целого ряда проблем в ирано-пакистанских отношениях. Во всяком случае, президент Ирана Хасан Роухани, проводящий политику многовекторности и налаживания тесных и добрососедских отношений прежде всего со соседними государствами, крайне заинтересован вывести ирано-пакистанские отношения на новый содержательный уровень. Искреннюю заинтересованность в устранении «подводных камней», противоречий и конфликтов, справедливости ради, можно наблюдать сегодня не только в Тегеране, но и в Исламабаде. Проблема в том, что Исламабад более уязвим перед вмешательством Вашингтона и Эр-Рияда в его дела, а они крайне не хотят налаживания ирано-пакистанских отношений. Сегодня Иран и Пакистан прекрасно понимают, что и решение экономических проблем, и укрепление безопасности двух стран, и решение проблем Белуджистана, корень которых — в отсталости и нищете региона, возможны только при тесном сотрудничестве. Ирано-пакистанские отношения не избалованы вниманием прессы и экспертов. Но на самом деле стабильность региона во многом зависит именно от них.

Константин Карабанов

Республиканцы грозят сорвать ядерную сделку с Ираном

В преддверии ядерной сделки с Ираном, которую планируется заключить до конца марта, сенаторы Республиканской партии направили иранскому руководству открытое письмо, в котором предупредили, что любая сделка, не получившая одобрение Конгресса, будет длиться не дольше, чем пребывание Обамы на президентском посту. Автор письма, сенатор от Арканзаса Том Коттон напоминает, что, согласно Конституции, любой указ, принятый без одобрения Конгресса, является «всего лишь исполнительным соглашением», а также что ни один человек не может занимать президентский пост более двух раз, поэтому в 2017 году Барак Обама неизбежно уйдет в отставку.

«Эти две конституционные догмы означают, что любое соглашение относительно вашей ядерной программы, не получившее одобрения Конгресса, будет всего лишь исполнительным соглашением между Барак Обама и аятоллой Хаменеи, — резюмирует сенатор. — Следующий президент сможет отменить такое исполнительное соглашение одним росчерком пера, а следующие составы Конгресса смогут менять его условия в любое время».

Письмо Коттона подписали 47 человек — почти все конгрессмены, представляющие Республиканскую партию. В их числе все четыре потенциальных кандидата в президенты: Линдси Грэм, Марко Рубио, Рэнд Пол и Тед Круз. При этом семеро сенаторов-республиканцев, в том числе, глава комитета по международным отношениям Боб Коркер, письмо подписывать отказались.

Послание республиканцев вызвало ожидаемую критику в Иране. «Мы верим, что это письмо не имеет законной силы и фактически является лишь пропагандистской уловкой», — заявил министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф. «Хотя переговоры пока не дали плодов и пока никакого соглашения нет, группы давления в США так обеспокоены, что принимают экстраординарные меры, чтобы доказать, что они, как Нетаньяху, против любого соглашения» — добавил он.

Напомним, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху на прошлой неделе посетил США по приглашению спикера Конгресса Джона Бейнера, проигнорировав Обаму, с которым должен был встретиться по протоколу. Нетаньяху призвал конгрессменов не голосовать за сделку с Ираном, моти-

вирав это тем, что десять лет — слишком короткий срок, и нет никаких гарантий, что Иран не начнет разрабатывать ядерное оружие после истечения срока соглашения.

Барак Обама также выразил свое недовольство письмом. «Я думаю, есть некоторая ирония в том, что некоторые члены Конгресса хотят объединиться со сторонниками жесткой линии в Иране, — заявил американский президент. «Думаю, что прямо сейчас мы сфокусируемся на том, будет сделка или нет. Как только и если она будет, мы сможем рассказать о ней американскому народу, и я уверен, что мы сможем воплотить ее в жизнь», — добавил Обама.

Напомним, ранее американский президент пригрозил иранцам выйти из переговоров в случае, если компромисс не будет найден. «У нас будет достаточно времени, чтобы принять меры», заявил Обама, отметив при этом, что Иран не развивает ядерную программу во время переговоров. По его словам, «переговоры дошли до такой точки, в которой уже нет места техническим вопросам — это вопрос политической воли».

Согласно иранской Конституции, политическая воля исходит не от президента, а от духовного лидера, которым с 1989 года является аятолла Али Хаменеи. На прошлой неделе в СМИ распространились сведения о том, что Хаменеи находится в больнице в критическом состоянии, которые были опровергнуты иранскими официальными лицами. В понедельник в сети появились снимки со встречи Хаменеи с экологами, на которой он пообещал сурово наказывать за вред окружающей среде.

Виктория Панфилова

Иранский бизнес заходит в Туркменистан

Визит президента Ирана Хасана Рухани в Ашхабад завершился в среду подписанием пакета документов в области транспорта, сельского хозяйства, электроэнергетики, а также соглашения о сотрудничестве между приграничными регионами Туркменистана и Ирана. Главы двух государств договорились в течение десяти лет увеличить объем товарооборота между двумя странами до 60 млрд долларов в год.

Президент ИРИ посетил Туркменистан с двухдневным визитом, и на переговорах с туркменским коллегой Гурбангулы Бердымухамедовым отметил, что «Тегеран и Ашхабад продолжают выстраивать близкие отношения в рамках плодотворного сотрудничества», основы которого были заложены сразу после обретения Туркменистаном независимости. Как отмечают эксперты, двусторонние отношения строятся исключительно на базе экономической целесообразности, почти игнорируя политические разногласия. Как сказал «Вестнику Кавказа» директор Аналитического центра МИГМО Андрей Казанцев, страны объединяют наличие протяженной общей границы, по обе стороны которой проживают родственные народы, многовековая историческая, конфессиональная и цивилизационная близость. Территория нынешнего Туркменистана когда-то была частью Персидского государства, а столица легендарной персоязычной Парфии — Ниса — находилась неподалеку от современного Ашхабада.

На переговорах с туркменским лидером Рухани отметил, что «обе страны должны использовать все свои возможности для расширения двусторонних связей». По итогам переговоров было подписано 17 соглашений о развитии отношений в экономической, культурной, политической, правовой, научно-технической сферах. По словам Рухани, подписанные документы не только будут способствовать дальнейшему развитию отношений между двумя странами, но и принесут пользу всему региону.

Кроме того, президент Ирана заявил о планах Тегерана усилить сотрудничество между двумя странами в сфере энергетики, начатое ее в начале 1990-х. Напомним, что в 1998 году был построен газопровод по маршруту Корпедже-Курткуи, длиной 200 км и мощностью 10 млрд куб. метров газа в год. Через несколько некоторое время была введена в строй вторая ветка трубы, мощностью 8 млрд куб. метров газа в год. Финансирование строительства газопровода велось за счет Ирана. Иранский коридор позволил Туркменистану

выйти на газовый рынок вне постсоветского пространства, тем самым снизив зависимость от России.

По словам Рухани, Иран намерен продолжать импорт газа из Туркменистана, а также планирует усилить сотрудничество в области закупок электроэнергии, взаимодействие в транспортной сфере, машиностроении, сельском хозяйстве, а также в традиционной нефтехимической отрасли. Пospособствует этому и открытая в декабре прошлого года в рамках проекта «Север-Юг» железная дорога Казахстан-Туркменистан-Иран.

Строительство магистрали началось в 2009 году. В 2012 году был закончен казахстанский участок (120 км), в 2013 состоялась его стыковка с туркменским участком Кызылга-Берекет. 3 декабря 2014 года заработал иранский участок железнодорожной дороги Берекет-Горган. Потенциал этой железной дороги большой. Она свяжет между собой не только три страны, но также Китай и Россию, поскольку железнодорожные ветки в Центральной Азии сообщаются. Это вторая железнодорожная магистраль, которая связала Туркменистан с Ираном. Первая железная дорога Теджен — Серахс — Мешхед была введена в эксплуатацию в мае 1996 года. Эта магистраль открыла для Туркменистана кратчайший путь в регион Ближнего Востока.

Общая проблема для Ирана и Туркменистана — напряженность в соседнем Афганистане. На туркмено-афганской границе не прекращаются вооруженные инциденты, что не может не беспокоить Ашхабад и Тегеран. «Иран и Туркмения заинтересованы, как и все соседи Афганистана, в установлении стабильности и мира. Для Ирана это важно, поскольку через территорию этой страны идет основной поток наркотиков в Европу — так называемый западный маршрут. На этом направлении Иран реально тратит огромные средства, перехватывая примерно 30% наркотиков, которые идут через его территорию. Это серьезный показатель», — сказал Андрей Казанцев.

Другая проблема для Ирана, по словам Казанцева, — шииты-хазарейцы. «Это афганское меньшинство, против которого активно действовал «Талибан», и которое по религиозным обстоятельствам пользуется покровительством Тегерана. Поэтому Иран заинтересован создать эффективные механизмы взаимодействия со всеми соседями Афганистана и не допустить дальнейшей дестабилизации по периметру своих границ, в том числе в Туркмении», — сказал Казанцев. По его словам, Тегеран проводит особую линию в отношениях с постсоветскими странами, что признают даже западные эксперты, не жалеющие критики в адрес иранских властей — Тегеран всегда стремился к мирному урегулированию конфликтов в республиках бывшего СССР.

Эксперт считает, что Рухани будучи политиком умеренного толка, продолжит эту линию. В частности, он не будет заострять внимание на планах Ашхабада поставлять газ в Европу, на что претендует и сам Тегеран. Однако если туркменская сторона проявит чрезмерное рвение в вопросе газообеспечения Европы, то вполне можно допустить, что Рухани напомним о позиции Ирана, который выступает категорически против строительства любых трубопроводов через Каспийское море до принятия принципов его деления по национальным секторам всеми пятью прикаспийскими государствами. Впрочем, Тегеран, предлагает Ашхабаду альтернативный маршрут транспортировки природного газа путем использования иранских газопроводов, проходящих через территорию Турции. Туркменская сторона, в свою очередь, не отказывается от использования этого варианта, но и не спешит соглашаться.

Владимир Алексеев

США хотят одного — смены режима в Иране

Лицемерие США в отношении Ирана еще раз подтверждено 11 марта, когда президент Обама продлил на один год введенные против Тегерана санкции. Получается, что, с одной стороны, Вашингтон вместе с остальными членами «шестерки» международных посредников ведет переговоры по ИЯП с иранскими представителями, конечным исходом которых должно стать снятие всех санкций против ИРИ, введенных как через СБ ООН, так и на национальном уровне, а с другой — продлевает их, хотя 15 марта в Монтре должен пройти еще один раунд переговоров по иранской ядерной программе с участием госсекретаря Джона Керри, а до конца июня должно быть подписано соглашение об окончательном решении вопроса с ИЯП в обмен на прекращение санкционного режима. Казалось бы, никакой логики в действиях Белого Дома нет. Но это не так.

Стратегическая цель Вашингтона

Почему-то многие забыли, что Вашингтон, начав переговоры по ядерному досье Ирана, вовсе не стремился к тому, чтобы избавить иранский народ от бремени финансово-экономических санкций. Так могли думать только очень наивные эксперты, слепо верящие в то, что Америка — это защитник демократии и прав человека во всем мире, а не мировой жандарм, который военной силой, экономической блокадой и информационной агрессией продвигает вперед сферы своего влияния на международной арене.

После провала проекта «цветных» революций в арабском мире США вынуждены были изменить направление своих ударов с целью передела под себя мирового энергетического рынка. Именно поэтому развязана война на Украине, которая является основным транзитером российского газа в Европу, и именно поэтому же предпринимаются попытки подмять Иран, где находятся богатейшие запасы нефти и газа. Без России и Ирана Вашингтон не сможет подчинить себе мировой энергетический рынок. Хочется верить, что в Тегеране это понимают. В Москве, похоже, это поняли, хотя и с опозданием — когда начала резко падать цена на нефть после американо-саудовского ценового сговора против России и Ирана.

Так что не должно быть иллюзий — Белый Дом твердо и последовательно реализует линию на свержение нынешнего иранского режима и его замену

на прозападный, который обеспечит господство американских нефтегазовых корпораций над энергоресурсами ИРИ. И еще одна составляющая американской стратегии в отношении Тегерана: поскольку вооружение иранской армии сильно устарело, его нужно срочно заменить на новое. А Иран на сегодня — единственный крупный неосвоенный рынок для сбыта продукции ВПК. Его потенциал оценивается в 40–50 млрд долл. И как-то не верится в то, что Вашингтон готов уступить столь «жирный кусок» Москве. Поэтому тот факт, что иранцы на сегодня ведут с Россией переговоры лишь по комплексам ПВО, сильно настораживает. Для отражения возможной внешней агрессии США и Израиля необходимы также самые современные боевые самолеты, бронетехника и ВМС. Здесь все ясно как божий день, если Тегеран не намерен уступить требованиям Вашингтона, то нужно срочно развернуть ВТС с Россией по всем современным системам вооружений. Иначе вероятным может стать невероятное, могут оказаться правы те западные эксперты, которые утверждают, что часть военной элиты в ИРИ специально держат эту нишу под будущие поставки из США, в случае падения режима.

Сценарии

В США существует несколько сценариев того, как избавиться от нынешних иранских властей. Один из них — переговоры по ИЯП, которые, по замыслам американцев, должны привести к полной капитуляции Тегерана по ключевым элементам своей ядерной программы, вплоть до разрешения иранцев развернуть в стране систему международного мониторинга и инспекций. Такое мы уже проходили в Ираке и видели, как все эти данные инспекторов МАГАТЭ потом заносились в систему наведения ракет США и НАТО для сверхточного попадания: одна ракета — один объект. И, в конечном итоге, все это закончилось оккупацией этого арабского государства и полной ликвидацией прежнего режима. Поэтому сейчас Вашингтон намеренно требует от иранцев слишком многого, задирая планку претензий, тем самым проверяя Тегеран на прочность.

Одновременно благодаря переговорам США производят раскол иранского общества на два противоположных лагеря. Ведь многие иранцы, уставшие от санкционных лишений и одураченные западной пропагандой либеральных ценностей, живут только надеждой на то, что санкции вот-вот будут сняты. Это особенно касается малого и среднего бизнеса, интеллигенции и молодежи. И надо признать успех пропагандистской машины Запада, которая активно использует все медийные технологии, интернет и социальные сети, в том, что уже значительная часть иранцев верят в то, что только западные технологии и инвестиции обеспечат экономическое процветание страны и ее продвижение по «единственно эффективной» западной модели развития. России, к сожалению, иранцы уже не верят («16 причин иранского недоверия России»), считая, что наша страна технологически отстала и сама нуждается в западных технологиях, что российские бизнесмены сильно коррумпированы и их мало интересует развитие Ирана, а лишь только возможность «заработать» на сделках с ИРИ, что российская культура и идейные ценности РФ чужды иранскому обществу.

И, самое главное, они считают, что Россия к Ирану всегда относилась как к выгодной карте в ее геополитических играх с западными странами

и США. Поразительно то, что за 23 года новейшей истории России так и не была разработана ни краткосрочная, ни долгосрочная стратегия внешней политики в отношении Ирана. Все действия России — это латание дыр, запоздалая реакция на геополитические процессы в связи с Ираном. Главы российских министерств и ведомств десятилетиями не посещают Иран и не приглашают своих иранских коллег в Москву. Для многих из них солнце восходит на западе, они молятся на запад и признают только запад. Сергей Лавров, было дело, в недавнем прошлом, в течение четырех лет подряд не посещал Иран, а Константин Косачев в бытность главой комитета по международным делам Госдумы наотрез отказывался ездить в Иран и вместе с тем десятки раз в год совершал поездки на Запад для участия иной раз даже в непонятных и малозначимых семинарах, не говоря уже о международных конференциях.

США и Запад работают с населением Ирана системно на постоянной основе. Поразительно то, что США, не имея никаких отношений с Ираном, тем не менее выделяют из государственного бюджета более миллиарда долларов для круглосуточного вещания на персидском языке пятью телеканалами, для оказания поддержки иранской диаспоре в США и даже иранцам, проживающим за пределами Ирана. Великобритания, Германия и даже маленькие европейские страны имеют телеканалы на персидском языке с круглосуточным вещанием. Эти страны таким образом защищают свои политические и экономические интересы, не хотят уходить из Ирана, не хотят, чтобы о них забыли, сохраняют связи и почву для возвращения. А у России этого всего нет. У нее даже нет, и это просто поразительно, ни культурного представительства, ни одного корпункта федеральных телеканалов в Тегеране.

В результате вся эта масса людей уже де-факто стала «пятой колонной», готовой работать на Запад, выплеснуться на улицы Тегерана и других крупных городов, когда им понадобится. К сожалению, все эти иранцы мало знакомы с деталями того, что происходит на переговорах по ИЯП. А там не все просто. Ведь пока что США выступают не за полную и окончательную отмену санкций в обмен на соглашение, а лишь за их приостановку на год для своего рода «тестового режима». А это означает, что Иран сдаст все позиции по ядерной программе, а Запад сможет в любой момент вернуть режим санкций.

С другой стороны, этому большинству иранского населения противостоит влиятельная группировка консервативных и националистических сил, поддерживающая аятоллу Хаменеи как высшего руководителя ИРИ, Корпус стражей иранской революции в качестве основной силовой структуры Ирана и достаточно многочисленные представители бизнес-кругов из числа патриотов, которые не хотят отдавать американцам национальные богатства страны, находящиеся сейчас в руках самих иранцев. Эти силы понимают, что капитуляция по ИЯП лишит ИРИ единственного инструмента сдерживания Запада от открытого внешнего вмешательства во внутренние дела Ирана. Для них исход переговоров по ядерному досье — это вопрос выживания, сохранения власти, независимости и суверенитета.

Внешне же это выглядит как некая борьба между сторонниками президента Хасана Роухани и его прозападно-либеральной команды и сторонниками жесткой линии консервативных сил на переговорах по ИЯП. Другой вариант — искусственное разжигание в Иране «цветной» революции. Подготов-

ка к этому идет давно, и США, практически все страны ЕС, Израиль и монархии Персидского залива работу на этом направлении не прекращали ни на один день, наоборот, усиливают ее с каждым днем. Они сейчас как никогда ранее активно работают не только с оппозиционно настроенными прозападными деятелями, но и с экстремистскими сепаратистскими группировками, созданными по религиозно-этническому признаку (среди таких меньшинств как азербайджанцы, курды, белуджи и т.д.). То есть готовится одновременный удар из центра и с национальных окраин. Пока что американцы приберегают этот сценарий «на потом» из опасения, что в Иране вместо «демократической» смены власти начнется гражданская война, которая закончится с очень большой долей вероятности «сомализацией» или «ливизацией». И тогда никаких нефтяных и газовых богатств в ИРИ американцам не видать.

Напрасные надежды «пятой колонны»

В любом случае, иранской пятой колонне, прозападным либералам и технократам не стоит ожидать того, что после смены режима Хаменеи американцы передадут власть им. Этого не будет никогда. Как в свое время США сделали в Ираке, ключевые позиции в Тегеране в случае победы «западников» перейдут в руки тем оппозиционерам, кто сейчас находится в эмиграции в США и имеет американские паспорта. А нынешних недовольных властью, но продолжающих работать на нынешнее правительство, либо отстранят от всего, либо дадут им второстепенные посты или роль прислужников. Американцы не доверяют им, не прошедшим «школу демократии» внутри США. Не случайно иранская община в Америке сейчас собирается пышно отпраздновать новый год Навруз на деньги американского правительства, и на богатых вечеринках продажные иранцы в дорогих костюмах и легкомысленные иранки без хиджаба и в платьях с открытыми плечами будут свободно употреблять алкоголь под американскую джаз-музыку. Они для американцев уже стали своими.

Фактор Израиля

Тегеран должно насторожить и другое: когда Обама, Керри и многие деятели Белого Дома еще недавно оптимистично заявляли о скором завершении переговоров по ИЯП, Израиль не сидел сложа руки. Впрочем, как и республиканцы в американском Конгрессе. Они направили приглашение премьер-министру Биньямину Нетаньяху выступить в Вашингтоне с речью по Ирану. Несмотря на явное недовольство президента США тем, что большинство в Конгрессе пригласили израильского премьера в обход его как главы государства, он вынужден был проглотить и эту пилюлю. А Нетаньяху прибыл в Америку и произнес истерично-воинственную речь с откровенными угрозами в адрес ИРИ. И тут же пошли разговоры о том, что Израиль готовится нанести удары по объектам ядерной инфраструктуры Тегерана, включая АЭС в Бушере, где трудятся сотни российских специалистов. Значит, опять военный сценарий? Похоже, да. И Вашингтону придется его поддержать. Ведь не случайно Обама, несмотря на то, что его публично унизили, после отъезда израильского премьера вынужден был резко по-

менять свою позицию. Он сразу же заявил, что США выйдут из формата «шестерки» на переговорах с Ираном, если они не будут полностью уверены в том, что Тегеран не будет иметь возможностей для создания ядерного оружия. А через 2 дня еще и санкции продлил. Кроме того, 47 сенаторов-республиканцев написали открытое письмо руководству Ирана с угрозами. Это стало беспрецедентным шагом в истории США, когда законодатели официально обращаются к главе иностранного государства, а не к своим «коллегам». Какое же Израилю нужно иметь влияние в Вашингтоне, чтобы заставлять президента США плясать под свою дудку и круто менять галсы внешней политики самой крупной мировой державы? Вот здесь и кроется ответ на все вопросы о том, какие цели преследует Вашингтон в отношении Тегерана. Да те же, что и Израиль.

* * *

У Ирана иллюзий быть не должно. Никто санкций не собирается отменять. Никто на Западе сотрудничать с нынешними властями ИРИ не будет. Тегерану нужно срочно готовиться к отражению воздушной агрессии против своих ядерных объектов, за которыми скорее всего последуют попытки разжечь «цветную» революцию. А пока похоже на то, что иранские власти и вооруженные силы не готовы к этому. Лукаво позитивный фон на переговорах по ИЯП и частичное ослабление санкций явно расслабили иранское руководство. Но время собраться с силами еще есть.

Станислав Тарасов

Средняя Азия оказалась под ударом религиозных коалиций

Испанский портал Publico.es на днях сообщил об активизации новой исламистской группировки «Хорасан», которая «является еще более опасной, чем „Аль-Каида“ и „Исламское государство Ирака и Леванта“ (ИГИЛ)». Издание так считает потому, что «Хорасан» (на персидском — Солнечная земля) в прошлом обозначал район, который в эпоху правления династии Ахеменидов включал в себя не только часть нынешнего Ирана, но и других государств Средней Азии, хотя теперь это сугубо иранская провинция на северо-востоке страны». Это важное замечание.

По данным американской прессы, появление ИГИЛ впервые было зафиксировано ЦРУ. Ориентировочно сведения поступили осенью 2006 г., когда в Ираке путем слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок во главе с местным подразделением «Аль-Каиды» было заявлено о создании «Исламского государства Ирака» (ИГИ). Однако группировка «Хорасан», по сведениям New York Times, попала в поле зрения американской разведки значительно раньше — после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., когда было установлено наблюдение за уроженцем Кувейта Мухсином Аль-Фадли, занимавшим высокий пост в «Аль-Каиде». Предполагается, что Аль-Фадли прибыл в Сирию (по другим данным, в Ирак — ред.) из Ирана, куда бежал из Афганистана с группой боевиков «Аль-Каиды» после нападения на Всемирный торговый центр. Связано это было с ответными действиями США и их союзников, которые в Афганистане развернули операцию «Несокрушимая свобода». В марте 2003 г. американцы вторглись в Ирак. Эти две кампании обернулись для США многолетней, изнурительной и дорогостоящей войной. Вопрос о том, просчитался ли Вашингтон в отношении последствий или речь нужно вести об осуществлении им долгосрочной и многоходовой геополитической операции, остается дискуссионным. Однако сегодня, не вдаваясь в подробности, можно сказать: ЦРУ представило Белому дому серьезные обоснования того, что за терактами 9/11 стояла террористическая сеть «Аль-Каиды», которую прикрывало правительство талибов в Афганистане, хотя Ирак и Саддам Хусейн не были причастны к происшедшему.

Как рассказывал сотрудник Фонда Карнеги в Москве, ставший позже послом в России, Майкл Макфол, один из сценариев вторжения США в Ирак

предусматривал также «удар по Ирану», как одному из государств из «оси зла». Это означало появление наряду с афганским и иракским третьего, иранского фронта. На данном этапе американцы вывели на политическую сцену доктрину «демократической модернизации» Ближнего Востока, поскольку напрямую обвинить Тегеран в причастности к терактам 9/11 не было никаких оснований. Когда вторжение в Иран не состоялось, ставка была сделана на иракских шиитов, которых привели к власти в Багдаде, но с прицелом «демократической экспансии» их на иранском направлении в противовес суннитам. Учитывая, что Эр-Рияд поддерживал иракских суннитов, Вашингтон рассчитывал «стать над схваткой» при помощи своих военных подразделений. Сегодня уже известно, что масштабы задуманной региональной геополитической операции расширялись задолго до так называемой «арабской весны», охватившей Северную Африку и Ближний Восток в конце 2010 года, дабы осуществить «версализацию» региона через неизбежное подключение к интриге с самой разной мотивацией существующих там государств. Как пишет итальянский католический портал AsiaNews, «в конечном итоге Соединенные Штаты хотят — как это видно из многочисленных данных — перекроить карту Ближнего Востока, поощряя появление „хрупких“ автономий (по примеру Боснии), комбинируя их состав из различных этнических и религиозных общин».

Во всем этом просматривалась четкая стратегия с выходом на большую региональную войну с расширением «горизонтов», когда, по словам одного из экспертов, «Афганистан и Ирак становятся „зоной инферно“, где осуществляется подготовка управленческих кадров „армии хаоса“, которая должна образовать региональные зародыши халифата». Как пишет известный германский эксперт Кристоф Леманн со ссылкой на бывшего министра иностранных дел Франции Ролана Дюма, «в 2007 г. Катар передал \$10 млрд тогдашнему министру иностранных дел Турции Ахмету Давутоглу на подготовку „братьев-мусульман“ из Турции и Сирии для свержения сирийского правительства». Тогда же президент США Джордж Буш-младший под предлогом ослабления шиитской «Хезболлы» в Ливане санкционировал операции ЦРУ против Тегерана. При этом в качестве параллельного проекта рассматривался сценарий «укрепления суннитских группировок, враждебных американцам и симпатизирующих Аль-Каиде». В 2009 г., по свидетельству Дюма, «Лондон разработал более детальную тайную операцию в Сирии», которая предусматривала «вторжение боевиков в эту страну». В 2011 г. Пентагон стал активно работать с силами сирийской оппозиции, которая должна была «изнутри» организовать «коллапс» режима президента Башара Асада. Согласно директиве Пентагона, планировалось «в течение 5 лет уничтожить правительства в 7 странах Ближнего Востока».

Первый сценарий «сирийских потрясений» был сорван. 9 апреля 2013 г. появились сообщения о том, что ИГИЛ включилась в гражданскую войну в Сирии в качестве самостоятельной силы. Видимо, не случайно, что в этот момент на северо-западе Афганистана, где проходит граница с Туркменией, начались столкновения правительственных сил с боевиками, которых идентифицировали как «Талибан». Тогда же на афганско-таджикской границе начали скапливаться боевики, о чем докладывал на заседании стран-членов ШОС в Бишкеке секретарь совета обороны Киргизии Бусурманкул Табалдиев. Он говорил буквально следующее: «В настоящее время в Афганистане наметилась активизация деятельности международных террори-

стических сил, идеи которых чужды светским цивилизованным режимам и не вписываются в рамки мирного строительства Исламской республики Афганистан. Ситуацию усугубляет неустойчивость нынешнего правящего режима, который не пользуется поддержкой основных этнических сил населения, влиятельных кланов и племенных союзов». По его мнению, по этой причине уже сейчас отдельные территории Афганистана вновь переходят под контроль боевиков, «которые планируют провокации в ближайшем будущем, направленные на дестабилизацию обстановки в центральноазиатских государствах». Но дело в том, что этническую питательную почву для движения «Талибан» составляют, в основном, пуштуны, хотя бывали времена, когда он военно-административно, юридически и идеологически контролировал 90% афганской территории. А сейчас, как предполагают западные эксперты, на границах Афганистана с среднеазиатскими странами действует «Хорасан», костяк которой составляют как местные узбеки, туркмены или таджики, так и выходцы из стран Ближнего Востока, Северной Африки и даже Южной Азии. Это наводит на мысль о том, что действия ИГИЛ в Сирии и «Хорасан» на севере Афганистана, который фактически подменил Северный альянс, носили и носят согласованный характер, причем отдельно от «Талибана», и направлены на создание еще одного, помимо ирако-сирийского «исламского фронта». Тем более что в Афганистане, как и в Ираке, после вывода основного контингента коалиционных войск идет процесс передачи управления и обеспечения безопасности местным силам.

Высока вероятность повторения в Афганистане того, что сегодня происходит в Ираке. Не случайно эта проблема стала активно обсуждаться на уровне как регионального, так и международного экспертного сообщества. Существует множество мнений, догадок, прогнозов и сценариев возможного развития событий. Предсказать что-то наверняка еще невозможно. Пока же бросается в глаза только определенная синхронизация в действиях «Исламского государства» и «Хорасана». ИГИЛ решил вернуться в Ирак, но не только. Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что «Исламское государство» ставит цель не только захватить власть в Сирии, но и создать халифат во всем этом регионе. В его состав входят установленные террористические группировки». Провозгласив на захваченных в Ираке и в Сирии территориях «халифат», эта сетевая структура тем самым заявила о ликвидации границ, установленных в результате раздела Османской империи. Следующий шаг — создание правоверного суннитского исламского государства не просто на территории Ирака и Сирии, но и Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра и Египта (Синайский полуостров). Что касается «Хорасана», то еще до флирта США с Ираном многие отечественные эксперты предупреждали, что информация об угрозе со стороны этой организации «скорее всего рождена в недрах ЦРУ и Госдепартамента и является имитацией новой угрозы». Существуют также конспирологическая теория, согласно которой вся история с «Хорасаном» запущена в западных СМИ намеренно, чтобы склонить Иран к участию в коалиции против ИГИЛ и добиться большей сговорчивости Тегерана по ядерной программе, используя джихадистов в качестве «политического аргумента». Тем более что боевики не упоминают Иран в качестве элемента будущего халифата, ведь иранцы являются в основном шиитами. Аналогично вооруженные столкновения на туркменско-афганской границе рассматриваются как отвлекающий маневр.

Однако в Иране проживает свыше 1,5 млн туркмен, значимое число этнических туркмен живет и на севере Афганистана. Поэтому нельзя исключать прямых столкновений боевиков «Хорасана» с туркменской армией и превращение пограничной зоны в сирийской-иракскую. «На туркменском 750-километровом пограничном участке нет таких естественных препятствий, как река Пяндж в Таджикистане или горы Памира, — отмечает ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Шохрат Кадиров. — Поэтому перспективы развития ситуации в Средней Азии становятся неопределенными и опасными». Как недавно заявлял официальный представитель МВД Ирана, скопления боевиков «Исламского государства» замечены «вдоль восточных границ страны». На подмогу пограничникам направлены подразделения Корпуса стражей революции и отряды народного ополчения «Басидж».

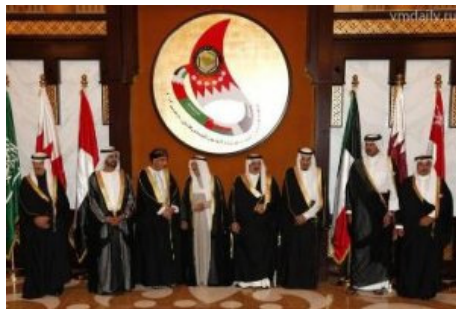
Для оппозиции, которую в Иране и Туркменистане власти выдавили за рубеж, появляются новые возможности для «оживления» ситуации. Одним словом, как пишет израильское издание NRG, «на наших глазах выстраивается „Новый Ближний Восток“, в котором хрупкое сосуществование или борьба между различными противоборствующими силами идет на смену борьбе между государствами». Хватит ли у Запада духа, дальновидности и мужества обеспечить свое будущее в вихре, инициированном им же геополитического хаоса, спрашивает известный американский журналист, директор Форума по Ближнему Востоку Даниэль Пайпс? Как бы ответ на этот вопрос не оказался риторическим.

Владимир Алексеев

Страны ССАГПЗ против нормализации отношений с Ираном

После того, как Вашингтон резко поменял свое отношение к переговорам по ядерной программе Ирана (ИЯП) в результате давления со стороны Израиля и Саудовской Аравии, возникает вопрос — будет ли наконец подписано соглашение и как будет развиваться ситуация вокруг ИРИ и ближневосточного региона в целом? Понятно, что соглашение Ирана со странами «шестерки» — это по большому счету соглашение с США, и оно будет означать де-факто серьезные уступки Тегерана по основным требованиям Вашингтона и возможный переход в орбиту его влияния.

Переговоры по ИЯП затормозились

Полтора года назад сближение Ирана и США стало неожиданностью для стран ближневосточного региона, прежде всего для Саудовской Аравии и Израиля. Тем более что инициатива исходила от Барака Обамы, хотя и вновь избранный президент ИРИ Хасан Роухани почти сразу стал посылать Белому Дому позитивные сигналы с намеком на готовность начать нормализацию отношений и смягчить подходы по ядерному досье. Причем поначалу переговоры по ИЯП стали продвигаться столь стремительно, что даже скептики начали верить в их успешный исход. И даже некоторые осечки и задержки, которые произошли позже, особенно не поколебали оптимизма. Более того, еще в начале марта сего года многие эксперты из кругов, близких к участникам переговоров, продолжали заявлять, что будет странно, если переговоры Ирана со странами «шестерки» провалятся. Казалось, что стороны достигли почти полного взаимопонимания, а окончательный вариант урегулирования проблемы будет достигнут чуть ли не к концу марта, а не июня, к концу отведенного срока.

Так, Верховный представитель ЕС по иностранным делам Федерика Могерини, выступая в днях, заявила, что «хорошее соглашение с Ираном — в пределах досягаемости». Она также сообщила о том, что переговоры будут продолжаться в ближайшие две недели, и выразила надежду, что они приведут к заключению политического соглашения в конце этого месяца. Ее иранский коллега Мохаммад Джавад Зариф в свою очередь заявил, что на переговорах в Швейцарии был достигнут «существенный прогресс». А по заявлению главы Организации атомной энергии Ирана Али Акбара Садехи,

на переговорах Тегерана и Вашингтона были устранены 90 процентов разногласий в отношении ИЯП, при этом он добавил, что стороны попытаются решить остающиеся спорные вопросы в самое ближайшее время

Причем накануне этих переговоров госсекретарь США Джон Керри посетил Эр-Рияд, чтобы убедить Саудовскую Аравию и других членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в том, что его подписание не повлияет на региональную безопасность и не ускорит растущее влияние Ирана. Это только лишний раз напугало КСА и другие арабские монархии, входящие в ССАГПЗ. Только вот в процесс резко вмешался Израиль, и Вашингтон пошел на попятную. Более того, санкции против Ирана американцы продлили, вместо того, чтобы вести дело к их снятию.

Вопли об иранской угрозе

На Западе и в аравийских монархиях уже давно стали раздаваться истеричные крики о том, что пока многие ожидают заключения соглашения по ИЯП, иранцы «под шумок» переговоров продолжают закрепляться в странах региона: Ираке, Йемене, Сирии. Некоторые эксперты стали даже рассуждать о том, что судьба этих государств стала разменной монетой на переговорах Ирана со странами Запада. В глазах правителей стран ССАГПЗ заверения Вашингтона в прозрачности готовящейся сделки с Тегераном, которые он предоставил монархиям Персидского залива и некоторым другим арабским странам, выглядят весьма неубедительно.

Если изучить арабскую прессу последних дней, то получается следующая картина об «экспансии» Ирана. На первое место выходит пример Ирака. Как известно, в августе 2014 года администрация Обамы заключила с Багдадом соглашение, за которым стоит Тегеран, своего рода сделку: в обмен на помощь международной коалиции в борьбе против ИГИЛ проиранский премьер-министр Нури аль-Малики ушел в отставку, было создано правительство национального единства, в которое вошли сунниты, и, кроме того, суннитские воинские формирования были допущены до участия в борьбе с исламистами. Но если внимательно посмотреть на то, что сейчас происходит в Тикрите, утверждают арабские аналитики, то картина окажется совершенно иной. Руководство военной операцией по освобождению этого города находится в руки шиитской милиции «Хашид Шааби», численность которой вдвое превосходит численность иракской регулярной армии. При этом арабская пресса подчеркивает, что иранские СМИ открыто говорят о роли Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и лично командующего ее специальными силами в лице бригады «Аль-Кудс» Касима Сулеймани, который во многом определяет политику ИРИ в Ираке, в проведении этой операции, и указывают, что вслед за Тикритом наступит очередь Мосула. По мнению арабских экспертов, это может привести к углублению конфликта между шиитами и суннитами в Ираке.

Не менее апокалиптическая картина, по мнению арабов Персидского залива, складывается и в Йемене, где власть перешла к повстанцам-хусистам. Здесь Запад якобы и не думает поддержать миссию специального советника ООН по Йемену Дж. Беномара или помочь йеменским политическим элитам в создании временного правительства, а также проведении парламентских выборов. Хотя на самом деле Запад, и прежде всего США, взяли открытую

линию на разжигание гражданской войны в ЙР и раскол страны на Север и Юг. Более того, в столице Юга — Адене — уже идет создание альтернативного западного дипломатического присутствия при бежавшем из Саны президенте А. Хади. Отсюда вопрос: так кто хочет продолжения вооруженного конфликта в Йемене? Явно не Тегеран.

Что касается ситуации в Сирии, то она, уверенны в столицах ССАГПЗ, ясно указывает на то, что США и ЕС отказались от своих международных обязательств и отдали весь контроль над ходом событий в САР в руки Ирана и России, чьи действия спасают правительство Башара Асада. Но тогда почему вопрос о свержении законных властей в Дамаске так и не снят с повестки дня внешней политики США, европейских стран НАТО и Турции?

Шиитский фактор

События, разворачивающиеся в нескольких странах региона, вернее в «четырех арабских столицах» т. н. шиитской дуги (Багдад, Дамаск, Сана и Бейрут), которые Тегеран справедливо считает зоной своего влияния, указывают, как полагают в Эр-Рияде, Дохе, Манаме и Эль-Кувейте, на то, что Иран всерьез намерен активизировать там свою деятельность и усилить свое влияние. Причем эти арабские «шиитские партнеры» Ирана якобы могут придать легитимный характер его ничем не доказанной «интрузивной» деятельности в арабских странах, прежде всего ССАГПЗ, где проживают крупные шиитские общины. Это вызывает серьезную тревогу у арабских государств Персидского залива, иногда граничащую с истерией. Отсюда еще один тезис ССАГПЗ: после окончания войн в Афганистане и Ираке Иран якобы стал значительно более активно поддерживать арабские шиитские религиозные и идеологические организации, занимающие заметное положение в арабских обществах и действующие легально. Речь идет о шиитских партиях, вооруженных силах и партизанских отрядах в Ираке, правящем режиме, вооруженных силах и «Народной армии» алавитов в Сирии, «Хизбалле» в Ливане и движении хуситов в Йемене.

В ход против Тегерана идут и другие страшилки. Вновь задействован старый тезис о том, что в распоряжении Ирана есть и другое оружие. Якобы он уже давно пытается разыграть палестинскую карту, позиционируя себя главным борцом с Израилем и регулярно провоцируя его очередными ракетными испытаниями в непосредственной близости от израильских границ на территории Ливана или Газы.

Гонка вооружений в Персидском заливе

Одной из стратегических целей США на Ближнем Востоке в последние 50 лет было не допустить лидерства ни одной из региональных держав, так как это могло повредить американским интересам, то есть, в первую очередь, угрожать безопасности Израиля и ограничить доступ Запада к нефтяным месторождениям. Но с подписанием ядерного соглашения с Ираном это может измениться. Выйдя из-под санкций, Тегеран может сильно рвануть вперед. А администрация Барака Обамы крайне заинтересована в том, чтобы остановить развитие ядерных технологий в Иране любой ценой и не

На сегодняшний день все крупные международные конфликты, кроме украинского, происходят на территории стран Ближнего Востока

позволить Тегерану подойти к черте, за которой создание атомного оружия при желании может стать делом техники. И если до этого дойдет, Вашингтон совместно с Израилем могут пойти на применение силы путем нанесения ракетно-бомбовых ударов по объектам иранской ядерной инфраструктуры.

Американская администрация не может не понимать, что стабильность на Ближнем Востоке крайне важна для безопасности всего мира. На сегодняшний день все крупные международные конфликты, кроме украинского, происходят на

территории стран Ближнего Востока. Именно поэтому американцы пытаются всеми возможными способами остановить развитие ИЯП. Хотя бы потому, что нет никаких гарантий, что в случае успеха Ирана в развитии ядерных технологий арабские страны и Турция не захотят последовать его примеру и ускоренными темпами развивать свой ядерный потенциал. Но для того, чтобы прекратить эту гонку, странам ССАГПЗ недостаточно просто заморозить ядерную программу Ирана. Для них распространение иранского влияния в регионе — фактор, вызывающий куда более серьезную тревогу. Поскольку речь идет о выживании наиболее консервативных режимов на Ближнем Востоке. Поэтому они и далее будут делать все возможное, чтобы помешать успеху переговоров по ИЯП, фактически оказавшись в одном окопе с Израилем.

Страны ССАГПЗ будут истерично вооружаться и дальше. Частью такой стратегии является увеличение оборонного бюджета Саудовской Аравии до 64,4 миллиарда долларов в 2014 году. И без этого Саудовская Аравия может похвастаться впечатляющим арсеналом (более 650 самолетов, 800 боевых танков, около 5 500 бронемашин и т.д.). Видимо, приобретение дорогого оружия является своеобразной страховкой, призванной показать Вашингтону важность сохранения такого хорошего клиента, пусть даже часть закупленной техники будет просто пылиться на складах.

* * *

Как бы то ни было, постепенно перемещаясь в АТР, где быстро набирает силу Китай, американцы продолжают шаг за шагом отходить от дел на Ближнем Востоке, потихоньку позволяя «местным» державам разбираться самим в отношениях между собой. Именно это объясняет предпринятую Обамой попытку ускорения переговоров с Ираном по ИЯП. Но единственная проблема состоит в том, что США в любом случае остаются гарантом безопасности Израиля. И пока в Тель-Авиве говорят «нет», никакого соглашения по ядерной программе ИРИ не будет. Тем более что нынешний президент США уже стал «хромой уткой», а у республиканцев несколько иной взгляд на Иран, нежели у демократов. Для них нефть и газ ИРИ — это тот самый лакомый кусок, на который они рассчитывают, срывая переговоры по ИЯП и готовясь сместить иранский режим путем «цветной» революции.

Владимир Алексеев

Что ожидает Россию, если Иран переходит в орбиту США

Как бы США ни хотели смены режима в Иране, пока что это у них не получается, а силовое решение уже и не рассматривается. Вашингтон и так запутался в многочисленных конфликтах на Ближнем Востоке, которые он сам же и создал: войны в Ираке, Сирии, Ливии, Йемене, нестабильность в Египте и Тунисе, быстрое распространение терроризма в регионе. В этих условиях американцы вынуждены продолжать переговоры по ИЯП и даже периодически делать оптимистические заявления. Более того, де-факто США позволили Ирану играть основную роль по уничтожению ИГ в Ираке, закрыв глаза на участие спецподразделений КСИР в нынешнем контрнаступлении иракской армии на Тикрит. А тут еще 17 марта из уст госсекретаря Джона Керри прозвучало чуть ли не миролюбивое заявление в адрес Башара Асада. Тем самым Вашингтон пытается «отбить» Иран и те арабские страны, которые находятся в зоне влияния Тегерана (Ирак, Сирия, Йемен), у России, чтобы подкрепить свою агрессивную линию против Москвы на Западе — через Украину и страны Балтии — еще и натиском по всем направлениям с юга — Ближнего Востока. А Ирану отводится в этом ключевая роль. Чтобы все стало на свои места, достаточно проанализировать последствия возможного перехода ИРИ в американскую орбиту.

Военный фактор

Иран играет весьма чувствительную роль с точки зрения обороноспособности России на южных рубежах, прежде всего на кавказском и центральноазиатском направлениях. И что особенно важно — на Каспии. Сейчас Каспийское море — это «внутреннее озеро» прикаспийских государств, которые выстраивают свои отношения в духе добрососедства. Поэтому ни России, ни другим государствам этого региона нет необходимости держать там мощные военно-морские силы. Однако, если ИРИ перейдет в орбиту влияния США, то вскоре на южном побережье Каспийского моря могут появиться американские военные базы, как военно-морские, так и военно-воздушные. А это — прямая угроза Поволжью и Северному Кавказу. России придется существенно наращивать там войсковую группировку и создавать полноценный военно-морской флот, выстраивать заново систему ПВО и т.д. К тому же, американцы начнут интриговать с другими прикаспийскими странами — Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, которым

тоже придется укреплять свою прибрежную военную инфраструктуру, что приведет к гонке вооружений.

Кроме того, с территории Ирана американские спецслужбы начнут засыпать на Северный Кавказ боевиков радикальных исламистских организаций типа ИГИЛ или «Джабгат ан-Нусра», создадут на иранской территории лагерь по подготовке диверсантов и террористов, имеющих российские паспорта, для проведения подрывных действий на территории РФ, прежде всего в целях разжигания сепаратизма, радикализма и национализма в мусульманских регионах Северного Кавказа и Поволжья. Они станут мощнейшей частью «пятой колонны», создаваемой Вашингтоном для совершения «цветной революции» в России и последующего развала нашей страны на несколько частей, как это уже случилось в свое время с СССР. Уже сейчас в Америке раздаются голоса о том, что после 1991 года надо было пойти дальше — заодно развалить и Российскую Федерацию.

Энергетический фактор

Не менее опасными являются последствия потери Ирана Россией и в энергетической сфере. Возможно, они даже более опасны для нашего выживания, чем военные факторы. Уже сейчас заметно, насколько болезненно мы переносим итоги ценового сговора США с Саудовской Аравией по нефти. Российская экономика в минусе, курс рубля упал почти вдвое, цены выросли более чем в 1,5 раза, бюджет трещит по швам. А теперь нужно представить, что случится, если к американо-саудовскому сговору присоединится Иран, обладающий крупнейшими запасами нефти и газа. Цены на нефть могут упасть до 25–30 долларов за баррель. Ясно, что при таком развитии ситуации экономика РФ, если вообще не развалится, то народу придется переходить на такой режим экономии, который может быть только в условиях блокадно-военного времени. Вряд ли это понравится населению. И тогда социальные последствия могут стать таковыми, что власти столкнутся с массовыми протестами. И не стоит сомневаться, что этим воспользуется «пятая колонна» и так называемые лидеры либерального толка.

Но гораздо более опасным является газовый вопрос и возможности Ирана в газовой сфере. На Западе всерьез думают над тем, как заменить российский газ иранским. Для этого нужно снять санкции с Ирана, что должно произойти после подписания соглашения по ИЯП, вложить инвестиции в газовые месторождения ИРИ и проложить магистральный газопровод от месторождения Южный Парс через Ирак и Сирию (либо по дну Персидского залива через Саудовскую Аравию и Сирию, что существенно короче) в Южную Европу. В «трубу» пойдет также катарский газ с Северного месторождения. Этот проект уже существует, но не может быть реализован из-за войны в Сирии и независимого курса Ирана. Однако США, судя по их последним шагам, готовы пойти на прекращение сирийского конфликта, что откроет дорогу для строительства этого газопровода. Иранские и катарские запасы газа достаточны для того, чтобы по нему прокачивать более 80 млрд куб. м в год. То есть надобность Южной Европы в российском газе полностью отпадет. И тогда не нужен европейцам ни Южный, ни Турецкий поток. Себестоимость иранского и катарского газа существенно ниже. На строительство этого магистрального газопровода уйдет, по расчетам,

1,5–2 года. Сокращение доходов российского бюджета от газового экспорта в ЕС вдвое из-за утраты южного направления будет означать катастрофу для нашей экономики. Возможно, такого масштаба, что экономика РФ ее не переживет. О геополитическом результате и говорить не приходится: газовый фактор является во многом ключевым при оказании воздействия на ЕС.

Экономический фактор

Иран как был для России перспективным партнером, так таковым и остается. В российском понимании Иран вечно будет находиться где-то рядом, от него вроде бы вреда никакого нет, но и от дружбы с ним нет никакого проку. Подавляющее большинство (72%) иранцев считают, что Россия всегда использовала Иран как разменную монету, еще печальнее то, что 83% иранцев считают, что в трудную минуту никак нельзя рассчитывать на Россию, подведет. И в доказательство своих слов они сходу могут привести десятки аргументов. Действительно, в своей новейшей истории, Россия, в зависимости от конъюнктуры, иногда общалась с Ираном, а чаще его игнорировала. Такое ощущение, что российские чиновники думают, что Иран в режиме санкций будет находиться вечно. По их мнению, куда он денется? Когда захотим, активизируем с ним отношения, и то для того, чтобы кому-то «насолить», а когда захотим, оставим все как есть. Самый свежий пример: подписано соглашение по формуле «нефть в обмен на промышленные товары» на сумму 20 млрд долл., но российская сторона тянет с его выполнением. Если проявить политическую волю, то объем ежегодного товарооборота между РФ и ИРИ можно быстро довести до 25–30 млрд долл. вместо нынешних 961 млн долл. Кое-какое движение наблюдается в сфере мирного атома. Редким примером нашей гордости в двухсторонних отношениях является то, что АЭС в Бушере уже работает. Скоро там начнется сооружение второго блока с двумя реакторами. Существует также проект Южного транспортного коридора, который призван сократить путь из Северо-Западной и Западной Европы в Индию и Китай через территорию РФ и ИРИ в два раза по сравнению с нынешними морскими маршрутами вокруг Африки или через Суэцкий канал. Но о нем, похоже, совсем забыли, хотя еще в середине 90-х годов он активно прорабатывался.

В российском понимании Иран вечно будет находиться где-то рядом, от него вроде бы вреда никакого нет, но и от дружбы с ним нет никакого проку

Российские компании могли бы принять самое активное участие в разработке иранских газовых и нефтяных месторождений, но почему-то не хотят инвестировать свои средства в это, что с радостью сделают западные энергетические корпорации. Большие возможности есть в сфере транспорта, модернизации железных дорог, создании электрогенерирующих мощностей, оптоволоконной связи и т.д. Но все это стоит без движения. Создается впечатление, что российские компании не идут в Иран, чтобы оставить вышеупомянутые сферы сотрудничества своим западным конкурентам. А уж

если Тегеран станет партнером Запада, то России придется «чесать репу» и забыть о том, что можно было бы заработать на сотрудничестве с ИРИ десятки и сотни миллиардов долларов.

Внешнеполитический фактор

Переориентация Ирана на США и ЕС означала бы коренной перелом ситуации на Ближнем и Среднем Востоке и в сопредельных регионах, включая Центральную Азию и Южный Кавказ. Уже сейчас неоспоримо влияние Тегерана в Ираке, Сирии, Йемене и ряде других арабских стран. И нет никаких сомнений в том, что уходя в орбиту влияния США Тегеран постарается увести за собой и эти государства. А это будет означать снижение возможностей партнерства с ними России. То есть Москва потеряет своих основных союзников на Ближнем Востоке. Причем со многими из них сейчас развиваются не только торгово-экономические связи, но и ВТС, приносящее большие прибыли. К сожалению, приходится констатировать, что в этом случае России в этом регионе практически не будет. А ее роль, которая и сейчас не так уж велика, станет близкой к нулю.

Другой аспект — возможность использования потенциала Ирана в таких международных и региональных организациях как ШОС и БРИКС. Вхождение в них ИРИ существенно бы усилило их и ослабило возможности и агрессивный натиск проамериканских структур, включая НАТО. Если же Тегеран сменит внешнеполитическую ориентацию на прозападную, то у Запада появится доступ к его внешнеполитическому потенциалу, который, в свою очередь, существенно ослабит потенциал ШОС и БРИКС. А в целом на южных рубежах России окажутся такие мощные страны проамериканской ориентации как Саудовская Аравия, Ирак, Иран, не говоря уже о натовской Турции. Их общий потенциал сам по себе, даже без США, представляет собой огромную силу, оказывающую самое серьезное влияние на геополитические процессы, происходящие вокруг России или затрагивающие ее интересы.

Обама опережает Москву и делает важный шаг навстречу Ирану

Главное сейчас состоит в том, что ни у кого не должно быть сомнений в том, что Барак Обама пытается радикально изменить свою политику на Ближнем Востоке. Лишним подтверждением этому стало то, что 19 марта президент США сделал два громких дипломатических заявления. Во-первых, он позвонил Нетаньяху якобы для того, чтобы поздравить его с победой на досрочных парламентских выборах. Однако разговор получился тяжелым. Американский президент выразил серьезное недовольство политикой Израиля и Нетаньяху как премьер-министра этой страны. Президент Обама заявил, что поддерживает создание палестинского государства в ответ на то, что Нетаньяху сказал, что не допустит этого. Кроме того, Обама сообщил, что США готовы к соглашению с Ираном по ядерной программе. Во-вторых, специально обратился к лидеру и гражданам Ирана, предложив им мирные договоренности и межгосударственное сотрудниче-

ство. Таким образом, можно сделать вывод, что президент США пытается поменять вектор политики Вашингтона в свете изменения ситуации на Ближнем Востоке.

Барак Обама, поздравляя народ Ирана с Наврузом, назвал иранцев «потомками древней цивилизации». Он выразил надежду на скорейшее решение по ИЯП. «Последующие дни и недели будут критически важными. Наши переговорщики добились прогресса, но лакуны остаются. В обеих наших странах и за их пределами остаются люди, которые выступают против дипломатического решения. Я хочу сообщить вам, народу Ирана, что вместе мы можем открыто добиваться будущего, которое нужно нам», — заявил Обама. «Если иранские лидеры могут согласиться на разумные договоренности, это может привести к новому пути — пути растущих возможностей для иранского народа. Больше торговли, связей с миром. Больше иностранных инвестиций и рабочих мест, в том числе для молодых иранцев. Больше культурных обменов и шансов для иранских студентов путешествовать за границей. Больше партнерства в таких областях, как наука, технологии и инновации», — добавил он.

Яснее не бывает. Обама предложил Тегерану сделку по ИЯП в обмен на снятие санкций и западные инвестиции в иранскую экономику. Странно, что подобное поздравление не направил российский лидер. Видимо, его эксперты по Ирану не отслеживают такие вещи. Зато теперь можно констатировать, судя по реакции простых иранцев на слова президента США — счет стал 1:0 в пользу Вашингтона. Москва стала проигрывать.

Другое дело — дадут ли республиканцы и Израиль Обаме возможность реализовать курс на разворот политики США в регионе. Скорее всего нет. Ведь американский президент — «хромая утка», и править ему осталось совсем недолго. Но России явно следует поучиться искусству дипломатии Обамы, который использовал праздничные чувства иранского народа для того, чтобы направить крайне важное послание, способное повлиять на внешнюю политику Ирана.

* * *

Конечно, все это пока что возможный сценарий, но с каждым днем он становится все реальнее. Иран сопротивляется американскому натиску, но вечно находиться в режиме санкций не собирается. Ослабить воздействие санкций или вообще их разрушить могла бы Россия, выйдя из них в одностороннем порядке. За ней, наверняка последовал бы и Китай. Но Москва по каким-то причинам не делает этого и не демонстрирует активности по поддержке Ирана в его противодействии политике США. Хочется верить, что стратеги российской политики в отношении Ирана понимают, чем грозит России потеря этой страны и ее переход в орбиту Вашингтона. И надо всерьез воспринимать заявления американских деятелей, в частности заявление госсекретаря Джона Керри от 18 марта о том, что на переговорах с Тегераном достигнут значительный прогресс, и уж тем более послание президента Обамы иранскому народу 19 марта. Это должно сильно настоять на Москве и подтолкнуть наконец к реальным шагам на иранском направлении.

Игорь Панкратенко

Бригадный генерал Касем Сулеймани: Рай там, где поле битвы

США ввели против него персональные санкции, а с десятков разведслужб готовы платить по миллиону долларов только за информацию, где конкретно находится в тот или иной момент командир легендарной иранской спецслужбы «Аль-Кодс». Всю свою жизнь генерал Касем Сулеймани посвятил одной цели — защите Ирана и идеалов Исламской революции. И сегодня он является одним из самых влиятельных людей на Ближнем Востоке.

Генерал пользуется безграничным доверием Верховного лидера Али Хаме-неи. В формировании внешней политики Ирана участвует достаточно много людей, но его голос по ряду вопросов является решающим. Это право глава наиболее эффективной иранской спецслужбы заслужил. И тем, что превратил «Аль-Кодс» в организацию, способную решать сложнейшие задачи геополитического характера. И личными качествами — преданностью делу Исламской революции, аскетизмом и презрением к чинам и роскоши в быту. Но главное — тем, что именно под его руководством с начала 2000-х начала создаваться «ось сопротивления США» на Ближнем Востоке, которая сегодня эффективно противостоит политике Вашингтона, Эр-Рияда и Тель-Авива.

«Аль-Кодс» — важный инструмент внешней политики Ирана, по своему применению аналогичный ЦРУ и спецназу вместе взятым. Название подразделения произошло от персидского «Иерусалим», за освобождение которого борются бойцы корпуса. С 1979 года деятельность корпуса была нацелена на проведение диверсионных действий против врагов Ирана и на расширение военно-политического влияния страны на Ближнем Востоке.

Общеизвестно, что всякая революция лишь тогда чего-либо стоит, когда умеет защищаться. Необходимо было создать эффективную оборону на «дальних подступах», не на границах Ирана, а именно в регионе. Какой оборонительный механизм, соответствующий экономическим возможностям Исламской республики, мог бы стать эффективным инструментом защиты от агрессии США и их региональных союзников? «Никто в Тегеране изначально не задумывался о создании оси сопротивления, но события этому благоприятствовали», — чуть позже напишет один из западных дипломатов, — «И в каждом случае Сулеймани был умнее, быстрее и лучше

обеспечен ресурсами, чем кто-либо другой в регионе. Он не упускал ни единой возможности в построении блока сопротивления, и шел к своей цели медленно, но верно».

Кто такой Касем Сулеймани и почему именно на нем остановился взгляд американских стратегов? Дело в том, что эта фигура, долгое время пребывавшая в тени, держит в своих руках многие нити: и называют его то «караульным Ближнего Востока», то «темным рыцарем». Впрочем, это произошло чуть позже. Сначала у будущего генерала была юность, мало чем отличавшаяся от миллионов его сверстников. И война...

«Мы все были молоды и хотели служить революции»

Его юношеская мечта получить университетское образование так никогда и не исполнилась. Выходец из бедной крестьянской семьи, владевшей в провинции Керман небольшим земельным наделом, в шахском Иране практически не имел шансов подняться по социальной лестнице. Разорительный кредит в девятьсот туманов (примерно сто долларов того времени) тяжелым бременем лег на хозяйство его отца. «Мы не могли спать ночью, переживая за наших отцов», — напишет он в мемуарах. Касему было уже тринадцать, и он, по праву мужчины, решил, что пришла его очередь помочь семье.

Юный Касем и его друг, сверстник и родственник Ахмад, отправились в столицу провинции на заработки. «Нам было всего лишь тринадцать, мы были худыми и слабыми. И куда бы мы ни пошли, нас попросту не воспринимали как полноценных работников», — вспоминает генерал. — «Пока в один прекрасный день нам не удалось устроиться разнорабочими на строительной площадке школы на улице Хаджу, на окраине города. Нам платили по два тумана в день».

Необходимую сумму, отказывая себе во всем, они все же сумели заработать. Чтобы добраться до дома они обратились к местной знаменитости — водителю по прозвищу «Пахлаван», человеку необычайной силы, который, как вспоминает Сулеймани, «мог зубами поднять корову или осла». Тот не отказал двум пацанам в просьбе доставить их домой, но в дороге сказал слова, которые навсегда запали в душу будущего генерала Корпуса стражей исламской революции. Ругая шаха и его правление, Пахлаван воскликнул: «Детство нужно для того, чтобы играть, а не трудиться разнорабочими в чужом городе. Мне наплевать на такую жизнь, которую они приготовили для нас!»

Долг был выплачен, но домой Касем больше не вернулся, оставшись в городе. Работа в местном водоочистном департаменте — сначала «мальчиком на побегушках», а затем помощником инженера. Книги и занятия в спортзале, впрочем, «спортзал» — это слишком громко сказано: навес и три стены, самостоятельно изготовленные компанией сверстников тренажеры. Три четверти жалования, отсылаемого каждый месяц родным, и долгие разговоры о том, что нужно для справедливого устройства жизни.

Нет ничего удивительного, что с первых дней Исламской революции Касем Сулеймани записался в Корпус стражей. Но первое его задание от молодой Республики никак не было связано с уничтожением контрреволюции — ему поручили обеспечить бесперебойное водоснабжение Кермана, добиться

того, чтобы вихри революции, саботаж и некомпетентность не коснулись святой на Востоке вещи — чистой питьевой воды. Он справился. Следующее задание было уже вполне боевым — в 1980 году 23-летний страж Исламской революции принимает участие в подавлении курдского сепаратистского движения. И одновременно с работой уже начал было готовиться к поступлению в университет, но началась война, Саддам Хуссейн решил разделаться со своим заклятым конкурентом по региону.

«Я уходил на войну на пятнадцать дней, а остался там до конца»

Он шел на эту войну как специалист, который должен был наладить снабжение водой передовых частей иранской армии. Кадровый голод в молодой Исламской республике стоял тогда жуткий, и начальство отпустило его «повоевать» только на две недели, специально оговорив, что после этого срока он вернется в департамент водоснабжения на должность старшего инженера. Но все сложилось иначе. В начале войны потери иранской армии в офицерском составе были огромны. И молодой специалист одной из самых мирных профессий делает головокружительную военную карьеру: спустя три года после прибытия на фронт он уже командует 41-ой бригадой Корпуса стражей исламской революции.

Но перед этим возглавляет деятельность разведывательно-диверсионных групп, ходивших за линию фронта. Дерзкий, храбрый, но одновременно с этим хладнокровный и расчетливый, он быстро становится известен и в иранской армии, и в штабах противника. Была у него тогда одна «фирменная» шутка — нет большей радости для солдата, чем хороший «приварок» к пайку, поэтому и приносил он из каждого рейда, кроме пленных и ценной информации, еще и живых коз для своих бойцов. Иракские штабисты, ответственные за противодиверсионные мероприятия, присвоили ему специальный позывной — «козий вор». Поначалу это звучало смешно, но вскоре офицерам Саддама Хуссейна стало откровенно не до улыбок, поскольку деятельность разведгрупп под командованием Сулеймани наносила иракским частям огромный урон.

Война никого не делает лучше или хуже. Она просто закаляет те качества характера, с которыми человек на нее приходит. В случае с Сулеймани оказалось, что в пламени боев закалился настоящий клинок. Не став инженером, он стал боевым командиром, не боявшимся ни пуль противника, ни гнева вышестоящих штабов. В отличие от принятой тогда в иранской армии традиции атак «человеческими массами», будущий генерал берег каждого своего бойца. А когда в 1985 году руководство КСИР затеяло наступление в районе реки Шатт-эль-Араб, которое привело бы к массовым потерям, Сулеймани прямо на заседании штаба высказал все, что думал о некомпетентности командования и штабистов. Он уже был героем войны, наказывать его не стали, но после окончания «Священной обороны» его не оставили в Тегеране,

Дерзкий, храбрый, но одновременно с этим хладнокровный и расчетливый, он быстро становится известен и в иранской армии, и в штабах противника

а направили все в тот же Керман, в провинцию, надеясь таким образом «охладить пыл» молодого офицера КСИР.

Это сегодня провинция Керман — «рай» для ищущих древние окаменелости палеонтологов и процветающая экономическая зона. После ирано-иракской войны это была одна из самых горячих точек страны — потоки контрабанды, наркотрафик, банды сепаратистов. Но самое страшное — коррупция, поразившая местную элиту после того, как тогдашний президент Ирана Али Акбар Рафсанджани объявил о начале «приватизации». Дело осложнялось тем, что он сам был родом из этой провинции, а его брат и остальные члены «клана Рафсанджани» уже, что называется, «положили глаз» на крупнейший в Иране медный рудник.

Касем Сулеймани и с наркотрафиком, и с коррупцией сражался отчаянно, испытывая откровенную ненависть к тем, кого Али Хаменеи впоследствии назовет «уставшими от революции», к тем, кто возможности Исламской республики использовал для личного обогащения. Ему грозили, на принципиального командира КСИР пытались организовать покушения, но сломить его не удалось. И тогда, в лучших традициях восточной интриги, его противники горячо поддержали решение Рахбара о назначении в 1998 году Касема Сулеймани главой специальной службы «Аль-Кодс» Корпуса стражей исламской революции, надеясь после его отъезда из Кермана «спокойно вздохнуть».

«Проницательный и пугающе умный стратег»

Трудно сказать, удалось ли им «вздохнуть», но вот то, что к началу 2000-х Сулеймани стал настоящей «головной болью» США, Израиля и Саудовской Аравии, не вызывает никаких сомнений. Коренным образом реорганизовав «Аль-Кодс», сделав ее уникальной организацией, сочетающей в себе разведку и спецназ, создав уникальную, без всякого преувеличения, глобальную агентурную сеть с опорой главным образом на общины шиитов во всем мире, Касем Сулеймани в короткое время стал тем препятствием, о которое споткнулась американская гегемония на Ближнем Востоке. А вместе с ней рухнули планы израильтян и саудитов на военное и политическое доминирование.

Как и полтора десятилетия назад, главным полем битвы для главы «Аль-Кодс» стал Ирак. «За годы до того, как первые американские танки въехали в Багдад в 2003 году, у Сулеймани уже была сеть агентов и посредников в стране», — пишет американский биограф генерала. После вторжения США в эту страну Касем Сулеймани начал создание «оси сопротивления» Вашингтону и его союзникам, причем не только в Ираке, но и во всем регионе. Стоявшая перед ним стратегическая задача заключалась в следующем: максимальное расширение иранского влияния в Багдаде и скорейший вывод оттуда американских войск.

22 декабря 2010 года Джеймс Джеффри, американский посол в Ираке, и генерал Ллойд Остин, высокопоставленный американский командующий, отправили приветственную ноту иракскому народу по поводу создания нового правительства во главе с премьер-министром Нури аль-Малики. «Мы с нетерпением ожидаем совместной работы с новым коалиционным прави-

тельством, продвижения нашей общей концепции демократического Ирака», — говорилось в послании. Это была «хорошая мина при плохой игре», поскольку в реальности именно Сулеймани был тем, кто оказал решающее влияние на формирование иракского правительства. Тогдашний президент Ирака Джалал Талабани чуть позже напишет: «Мы смеялись над американцами. Сулеймани полностью переиграл их, но на публике они поздравляют сами себя за сформированное не ими правительство».

Естественно, что победа Ирана вызвала гнев и в Вашингтоне, и в Эр-Рияде. Не успел Багдад залечить раны оккупации, как вскоре полыхнул Дамаск. А затем «внезапно появившаяся» группировка «Исламского государства» (ИГ) блицкригом прошла и по Ираку, и по Сирии. Появление ИГ стало вызовом для «темного рыцаря». Боевики без проблем заняли Мосул, Тикрит, ряд других городов. Сулеймани тотчас принял командование на себя и стянул в Багдад лучших людей «Аль-Кудс», они помогали оборонять столицу иракского Курдистана Эрбиль, потом и сам Багдад...

Для получившего в 2011 году звание бригадного генерала Касема Сулеймани началась новая война, вновь продолжился его личный джихад. И в Дамаске, и в Багдаде глава «Аль-Кодс» лично возглавил боевые действия, путем невероятных усилий остановив и наступление исламистов на Дамаск, и готовившийся ими захват Багдада. Военного успеха удалось добиться в результате того, что Касем Сулеймани и его советники предложили новую стратегию, основывавшуюся на опыте советских войск в Афганистане — рейды сравнительно небольших групп специально подготовленных бойцов, задачей которых была физическая ликвидация как «светской оппозиции» и «джихадистов», так и банд местных «махновцев», пользующихся гражданской войной для грабежа и насилия.

В отношении вооруженных формирований «Исламского государства» была применена та же тактика, разве что количество личного состава в рейдовых группах было увеличено. Как оказалось, для решения задач сдерживания исламистов этого вполне достаточно. Угроза падения Багдада была ликвидирована, созданы «красные линии» для продвижения вооруженных формирований «Исламского государства». Война еще не закончена, но и блицкрига не получилось...

* * *

В те редкие дни, когда генерал Касем Сулеймани приезжает в Тегеран, он ведет размеренную жизнь чиновника средних лет. «Каждый день он встает в четыре часа утра и отправляется в постель в девять тридцать вечера», — рассказывает один из его знакомых. — «Он уважительно относится к своей жене и иногда гуляет с ней в парке, у него три сына и две дочери, для которых он — строгий, но любящий отец». Но семейное счастье всегда длится недолго. Его ведет патриотизм, стремление к национальной независимости и любовь к борьбе. И поэтому каждый раз, когда над Ираном сгущаются тучи, генерал вновь покидает свой дом. «Обычно в представлении людей рай — это захватывающий красочный пейзаж, журчание ручьев, красивые женщины. Но есть и другой вид рая — это поле боя», — сказал он в одном из интервью. И продолжил: «Поле боя за свою страну».

Али Хаменеи о сотрудничестве с США: «Не дожидетесь!»

Весна — это не только таяние снегов, прилет птиц и пробуждение природы. Это еще и время, когда у «экспертов» обостряются геополитические фантазии. Отсюда — поток версий и сплетен в масс-медиа. В частности, в отношении того, на каких условиях США пойдут на подписание соглашения по ядерной программе Ирана.

В результате такого своеобразного «весеннего обострения» большинство комментаторов сегодня абсолютно убеждено, что за кулисами соглашения будет заключена некая «секретная сделка», суть которой — в тесном сотрудничестве Тегерана и Вашингтона по региональным вопросам. О конкретных фактах, позволяющих сделать вывод о готовящейся «сделке» — как это и принято, когда речь заходит об Иране — ничего не говорится. Суть реальных событий искажается. В итоге, никто ничего определенного сказать не может, но от всей широкой души создает версии, одна другой грандиознее — и о том, что в Вашингтоне готовы согласиться на военную составляющую ядерной программы Ирана в обмен на его активное участие в переделе Ближнего Востока, и о том, что Тегеран только и ждет отмены санкций для того, чтобы стать партнером США.

Впрочем, не стоит быть излишне строгими к тому, что сочиняют в масс-медиа. В конце концов, каждый пишет как умеет. И проблема здесь не только и не столько в «экспертах». Основная проблема в том, что с 1979 года, со времен президента Джимми Картера, в США не было администрации Белого дома, которая так бы вралась и путалась в «иранском вопросе», как это делают Обама и Керри.

Судите сами — с одной стороны, в ежегодном докладе, который директор национальной разведки США Клэппер представляет Сенату, Иран и Хизбалла впервые не упоминаются в списке «террористической угрозы». В экспертных кругах начинают всерьез гадать, не есть ли подобный шаг подготовкой к сотрудничеству Вашингтона с Тегераном в деле борьбы с «Исламским государством». А спустя пару дней Госдепартамент выпускает закрытый циркуляр, в котором говорится: «В связи с поддержкой в Сирии режима президента Асада, антиизраильской политикой, развитием передовых возможностей в военной сфере и стремлением к производству ядерного оружия Иран и ливанская Хизбалла продолжают непосредственно угрожать национальным интересам США». А то, что их нет в докладе Сенату объясняется совершенно незатейливо: «Исключение Ирана и Хизбаллы из доклада разведывательных служб США в 2015 году обусловлено не смяг-

чением американской позиции в отношении исходящих от них террористических угроз, а изменением формата самого доклада». И это только один из примеров двуличности. От таких вывертов у кого угодно голова кругом пойдет. Поэтому точку в данном вопросе пришлось ставить Верховному лидеру Ирана Али Хаменеи.

«Ядерная программа — и ничего больше»

Великолепный Мешхед — это не только вторая, после Кума религиозная столица Ирана, но и город, жители которого, в отличие от космополитичного Тегерана, куда как более консервативны. И относятся к США куда как более настороженно, чем это принято в иранской столице. К ним, к этим людям, и обратился в субботу 21 марта Верховный лидер Али Хаменеи. Голос 75-летнего Рахбара, как обычно, был негромок. Но его слова услышал весь Иран. «Переговоры, которые ведутся с Соединенными Штатами, касаются только ядерной программы. И ничего больше», — подчеркнул Али Хаменеи.

Может ли в случае благополучного завершения переговоров произойти сближение позиций США и Ирана по региональным вопросам? Более того — станет ли возможным сотрудничество Тегерана и Вашингтона в отношении самых острых проблем Ближнего Востока, в первую очередь борьбы с «Исламским государством»? «Ни в коем случае. Задачи и цели США в регионе прямо противоположны целям Ирана и глубоко враждебны ему», — заявил Рахбар, отвечая на невысказанный вопрос, который волновал всех собравшихся.

Духовный лидер не только ответил на невысказанный вопрос аудитории. Общаясь с людьми, восторженно приветствовавшими его слова, он, одновременно, дал ответ и Баракку Обаме, с его намеками на то, что соглашение по ядерной программе Ирана может привести к сотрудничеству в борьбе с «Исламским государством». «Помилуйте», — воскликнет скептик, — «можно ли всерьез относиться к тому, что публично говорят политики? Как и дипломатам, язык дан им для того, чтобы скрывать свои истинные намерения!» Не в этом случае, и не в отношении слов, которые говорит духовный лидер Ирана.

Мало кто замечает те кардинальные изменения, которые произошли и в самом Иране, и вокруг него после развязанной США «санкционной войны» против Тегерана в 2011–2013 годах и последовавшей за этим показушной «оттепели», пик которой пришелся на год 2014-й. Их суть заключается в том, что внутри Ирана наконец-то начинает возникать своеобразный баланс между «желаемым» и «возможным». Определена грань «разумной достаточности» в отношении ядерной программы, то есть выработано четкое понимание того, что именно необходимо для исследований «мирного атома», от чего можно отказаться, а от чего отказываться нельзя ни в коем случае. То же самое произошло и в экономике, и в военном строительстве. В итоге, вопрос об отмене санкций приобрел несколько иное звучание: Тегеран настаивает на срочном снятии в первую очередь всех санкций, которые были введены против него СБ ООН в 2009–2010-х и Евросоюзом в 2010–2013 годах. Что же касается остальных, введенных персонально США и другими странами в одностороннем порядке, опять-таки под дав-

лением США — для Ирана они, конечно, штука неприятная, но Исламская республика вполне может успешно развиваться и при их наличии. И уж тем более ради отмены западных санкций Тегеран не намерен всерьез менять свою внешнюю политику, особенно в регионе. Вести по ним переговоры — да, безусловно. Делать их предметом некоей секретной сделки — ни в коем случае. О чем, собственно, вполне определенно и недвусмысленно и заявил Рахбар, выступая в Мешхеде.

«Сделка с Ираном»: взгляд из вашингтонских окон

Если отбросить словесную шелуху, то в понимании американских политических элит «сотрудничество», о котором намекал иранцам Барак Обама, выглядит весьма своеобразно: Тегеран должен отказаться не только от расширения своего влияния в регионе, но и «сдать» даже те позиции, которые уже занял. Даже декоративная «оттепель» в отношениях между Ираном и США, в которой слов было гораздо больше, чем дел, которая, по большей части, представляла из себя торжество западного двуличия и упомянутые Рахбаром в его выступлении «издевательства» — не столько над иранскими переговорщиками, сколько над здравым смыслом — вызвала ненависть и панику главных региональных союзников Вашингтона: Эр-Рияда и Тель-Авива.

Занимающий по конституции пост главнокомандующего, Барак Обама в последние годы стал «главноуговаривающим». И ему, и Джону Керри приходится прилагать максимум усилий, чтобы окончательно не рассориться с Израилем и Саудовской Аравией. И ладно бы только с ними, но в том и дело, что за каждым из этих союзников США стоит мощное лобби внутри Америки, многомиллиардные контракты и групповые интересы как местного бизнеса, так и транснациональных корпораций. В американской политике в отношении Ирана и всего Ближнего Востока Обама и Керри далеко не единственные и не самые главные игроки. Есть и другие. Договариваться с которыми можно только одним способом — предлагать им «отступного», обещать, что Тегеран, исполнившись благодарности за частичное снятие санкций, согласится на некую сделку. Но что в реальности может предложить администрация Белого дома Ирану? При ближайшем рассмотрении — ничего.

Совместная борьба против исламистов? Любой успех Ирана и его союзников на этом направлении, как показала история боев за иракский Тикрит, вызывает, мягко говоря, настороженность. Шиитское ополчение под руководством иранских советников оказалось в шаге от победы, которая знаменовала бы собой стратегический перелом в борьбе с «Исламским государством» — и тут же в США и на арабском Востоке началась массированная пропагандистская кампания о том, что «Ирак находится под угрозой иранской оккупации», что Тегеран проводит политику экспансии, что под угрозой — не террористы, а именно сунниты. Апофеозом этих настроений стало заявление Дэвида Петреуса о том, что «Исламское государство» и для Ирака, и для США — опасность куда как меньшая, чем контроль Тегерана над Багдадом. Подобным же образом высказался и срочно посетивший Багдад председатель Объединенного комитета начальников штабов США Мартин Демпси: «Исламское государство» может и подождать, главное сей-

час — поставить надежный заслон росту влияния в Ираке связанных с Ираном шиитов. Поскольку это создает угрозу интересам Эр-Рияда.

Но и это далеко не все, поскольку «иракская тема» в ирано-американских отношениях — больной и давний вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Вот что сказал на днях Джон Бреннан, директор ЦРУ и главный советник президента США Барака Обамы по борьбе с терроризмом: «На Иран необходимо давить, несмотря на исход переговоров по ядерной программе». «Иранская ядерная программа — отдельный вопрос, который можно урегулировать, но мы видим, что Тегеран по-прежнему спонсирует терроризм», — цитирует его слова Washington Post. Под «спонсированием терроризма» в первую очередь имеется в виду союз Тегерана и Хизбаллы. И слова Бреннана — это реверанс Израилю.

* * *

Что же в «сухом остатке»? Слова Обамы о региональном сотрудничестве, возможности установления более тесных и дружеских отношениях с Тегераном по сути скрывают под собой предложение Ирану капитулировать. И сдать при этом союзников — Башара Асада, Хизбаллу и шиитов Ирака. Награда за это — возможное частичное снятие санкций, которые сами же США и ввели. Гарантия выполнения американцами условий этой «сделки» — только обещания Обамы и Керри. И Верховный лидер, и большинство иранцев знают цену их словам. Поэтому и был столь краток и категоричен ответ Рахбара на спекуляции по поводу «секретных сделок» с США: «Не дождетесь!»

Гейдар Джемаль

На чьей стороне Иран?

Приход к власти президента Хасана Роухани резко обострил полемику в экспертных кругах относительно политического курса ИРИ. В течение многих лет казалось совершенно однозначным, что в силу жесткой оппозиции Исламской республики Западу, и в первую очередь США, Ирану как бы «некуда деваться», как только «прибиться» к России. Почему к России? Парадоксальным

образом, Россия, которая по всем ключевым вопросам, определяющим состояние мировых дел, подыгрывает Западу, вместе с тем, вопреки очевидности, унаследовала от Советского Союза имидж альтернативного полюса. Но, стратегический союз СССР с англо-саксонским миром во Второй мировой войне упразднил всемирно-историческую миссию Октябрьской революции, переведя все последующие разногласия с западным миром в рамки банального геополитического соперничества империй.

Вторая мировая война стала поводом для советско-британского вторжения в Иран, и он был превращен в некое подобие «исторической сцены», на которой перед мировой аудиторией восседали три «либеральных диктатора», определяющих послевоенные судьбы человечества. Ирану в этом раскладе была отведена сугубо страдательная роль. В позднесоветский период коммунистический Кремль толерантно относился к шахскому режиму, и, наоборот, Исламская революция стала для советского режима шоком и вызовом. Комментарии, которыми была полна пресса СССР в период, непосредственно предшествующий свержению шаха и годы спустя после установления Исламской республики, носили однозначно иранофобский характер.

В постсоветскую эпоху «kozyrevщина», определившая эру ельцинской дипломатии, сделала «Иран» бранным словом. Освободившись от идеологического груза и с облегчением раскрывшие миру свою либеральную прозападную суть, прозападные и произраильские чиновники и политики России не скрывали своей глубокой неприязни к Исламскому миру вообще и к Ирану в особенности. Иран, как страна, совершившая именно Исламскую революцию, занимал в этом кремлевском негативе привилегированное место. Тем более, что Москва, хотя бы и постсоветская, не забывала, что, во-первых, СССР был определен основоположником Исламской республики аятоллой Хомейни как «малый Шайтан», а во-вторых, Тегеран активно помогал моджахедам бороться с советской оккупацией Афганистана.

В свою очередь Москва без колебания поддерживала Саддама Хусейна, игнорируя печальную судьбу иракской коммунистической партии, в бук-

вальном смысле слова закатанную багдадским режимом под асфальт. СССР поставлял во время ирано-иракской войны Саддаму практически все виды оружия — от ракет средней дальности до тяжелой техники, и эти поставки достигали пика в 1982 и 1985 годах. Режим багдадского диктатора получал от Москвы танки Т-72, истребители МИГ-29, артиллерийские системы, в том числе и залпового огня. Справедливости ради надо отметить, что вместе с СССР Саддама накачивали вооружениями во время этой войны почти все страны Запада, среди которых особенно выделялись США и Франция.

Несомненно, крушение СССР внесло новую ноту в российско-иранские отношения. Тогдашний президент Али Акбар Хахеми-Рафсанджани сделал ряд геополитических жестов в адрес Москвы, которые должны были продемонстрировать готовность Ирана к региональному партнерству в регионе Большого Ближнего Востока. Наиболее острым ходом Тегерана стала сдача исламо-демократического коалиционного правительства в Душанбе, которое во время гражданской войны умоляло Иран о помощи, так ее и не получив (зато в последующем Иран с согласия России приютил у себя некоторых сбежавших в эмиграцию таджикских деятелей, имевших отношение к Исламской партии возрождения и к Демократической партии Таджикистана).

Само собой разумеется, что за все эти широкие жесты, стоившие Ирану геополитического влияния в Центральной Азии и на Большом Кавказе, Исламская республика не получила практически ничего. Между тем, главной

темой, ради которой это геополитическое влияние было принесено в жертву, являлось российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере. Итогом этого сотрудничества после многих лет тяжело и медленно идущих работ стала относительно недавно пущенная в ход АЭС в Бушере. Можно с уверенностью утверждать, что после завершения ельцинской эры иранское руководство рассчитывало на гораздо большее!

Сегодня в многоэтапной тридцатипятилетней эпопее постшахских взаимоотношений между Москвой и Тегераном наметился определенный итог. (Кстати, важно отметить, что точкой отсчета в этих отношениях является именно Ислам-

ская революция и возникновение послешахского Ирана, а не распад СССР и появление постсоветской России). Дело даже не в том, что масштабы торгового оборота между двумя странами опустились ниже одного миллиарда долларов. Гораздо важнее то, что независимо от активной риторики проиранского лобби в Москве и пророссийского лобби в Тегеране, Кремль с гранитным постоянством строится в общий ряд с Вашингтоном и его сателлитами и разделяет позицию, которая высокопарно и лживо именуется позицией «мирового сообщества». Здесь приходится констатировать, что проиранское лобби в России не смогло выполнить стоящих перед ним задач и оказать существенное влияние на позицию российских чиновников. Эти чиновники, как стояли на платформе «ираноскепсиса», так и продолжают на этой платформе находиться по сей день, оказываясь подчас в каких-то аспектах даже более антииранскими, чем Вашингтон, которому это положение, что называется, «по должности».

Можно с уверенностью утверждать, что после завершения ельцинской эры иранское руководство рассчитывало на гораздо большее!

В последние годы главным инструментом демонстрации политического партнерства обеих стран было отношение к режиму Башара Асада в Сирии, который поддерживали и Москва, и Тегеран. Соответственно, и Москва, и Тегеран декларировали свою враждебность к радикальной суннитской оппозиции и клеймили «подлую политику» империалистов по отношению к братской Сирии. Однако совпадение позиций по Асаду и совместная поддержка алавитского (баасистского) режима — всего лишь надводная часть айсберга. Подводная же часть — это мировоззрение чиновников, которое десятилетиями формировалось таким образом, что солнце для них восходит на Западе, а между Россией и Исламским миром, в том числе и с Ираном, как частью этого мира, априори существует глубокое расхождение по многим вопросам стратегического характера.

Новый президент Ирана Хасан Роухани пришел к власти как раз в тот исторический период, когда Россия вошла в клинч с официальной позицией Запада по украинскому вопросу. При этом, несмотря на режим санкций и прекращения формата G8, Россия продолжает входить в число переговорщиков по иранской ядерной программы (ИЯП), то есть сохраняет одну из ключевых позиций в решении дальнейшей судьбы иранского атома. Как уже отмечалось выше, Москва в основном придерживается западного взгляда на эту проблему, да и вообще тема антииранских санкций могла бы не возникнуть вовсе, наложив Россия на них вето в Совбезе ООН!

Динамика изменения взглядов на реалистичность российско-иранского сближения отражается в статьях экспертов, посвященных как раз перипетиям дипломатической игры между Исламской республикой и США. Первоначально эксперты уверенно утверждали, что естественный и органичный союз между Ираном и Россией очевиден с первого взгляда и вообще не требует никаких особых доказательств. Обе страны имеют общие интересы (Ирак, Сирия, Афганистан, Центральная Азия, Каспий, Большой Кавказ, Палестина), они занимают одну и ту же позицию по многим актуальным вопросам международной жизни. У них, в том числе, общее неприятие салафитского «исламизма» и т. д.

Чуть позже на смену этой позиции пришла вторая с чуть более приглушенными нотками триумфа. Да, мол, следует признать, что либеральная оппозиция с приходом Роухани востребовалась и активизировалась. Возникли преждевременные и, по большому счету, абсолютно иллюзорные надежды, что Иран может о чем-то договориться с Западом. Цель Запада, конечно же, завести переговоры в тупик, а ядро политической элиты Ирана прекрасно понимает мировую конъюнктуру, и поэтому у либералов в ИРИ нет никакого шанса.

Через некоторое время пришел третий взгляд на развитие ситуации: часть иранского общества связывает неоправданные надежды на выход из санкций именно с президентством Хасаном Роухани. И это, вообще-то, представляет некоторый предмет озабоченности для «людей доброй воли»

Москва, и Тегеран декларировали свою враждебность к радикальной суннитской оппозиции и клеймили «подлую политику» империалистов по отношению к братской Сирии

в обеих странах. Хорошо, что по Конституции Ирана президент — это глава исполнительной власти, вроде нашего премьера и рахбар (духовный лидер) в любой момент может его курс скорректировать, если что не так... А уж рахбар-то знает, где правда. Он знает, что ему по пути с великой Россией против США, которые всегда обманут, как уже обманывали множество раз...

В скором времени и такой подход перестал соответствовать все более и более неприятной реальности, которая формировалась буквально на глазах у этих самых «людей доброй воли». Настало время четвертого этапа в описании российско-иранских отношений: Иран должен понять, что он стоит на волосок от величайшей ошибки в своей исторической практике. За все две с половиной тысячи лет существования Ирана не было большей угрозы (если не считать Александра Македонского!). Либералы практически оседлали иранское медийное пространство, их поддерживают десятки ирано-язычных теле- и радиоканалов, созданных спецслужбами США и НАТО. Иранская же элита все никак не возьмет в толк, что на ядерную программу

Все что нужно Западу — это свержение нынешнего режима, порабощение иранского народа и взятие под контроль энергетических ресурсов страны

и даже саму бомбу (!) так называемому «мировому сообществу» плевать! Все что нужно Западу — это свержение нынешнего режима, порабощение иранского народа и взятие под контроль энергетических ресурсов страны.

Этот четвертый пункт является в некотором роде завершающим в развитии оценок, которые давались российско-иранским и иранско-западным связям на протяжении последнего года. Сейчас, насколько можно судить по публикациям в Иран.ру, наступило время пятого этапа. Он специфически отличается тем, что на нем уже не обсуждаются катастрофические проблемы, могущие возникнуть для иранского народа с возобно-

ванием внутри ИРИ «партии либералов». На этом этапе поставлен вопрос о том, какие конкретно бедствия несет уже самой России переход Ирана в американскую орбиту. Иными словами, экспертный дискурс переходит от режима описания возможных угроз к режиму оценки чуть ли не состоявшейся катастрофы.

Конечно, этот экспертный анализ всех мыслимых минусов и негативов, которые возникают для России от союза Ирана с США, также фантастичен и практически также не связан с реальностью, как и оптимистическое ликование относительно оси Москва-Тегеран в недавнем прошлом. В качестве одной из наиболее страшных угроз рассматривается перспектива, в которой боевики ИГ и Джабхат ан-нусра волнами обрушатся на Кавказ и юг России, а также при содействии проамериканского Ирана свергнут пока еще существующие посткоммунистические режимы в Центральной Азии и включат эти территории в свой «ужасный Халифат». Трудно сказать, чего в этих пугалках больше: религиозно-культурного невежества или политической неадекватности. Другим перлом подобного рода является концепция, согласно которой, став «проамериканским», Иран создаст супермощный политический блок с Саудовской Аравией и Турцией, направленной, разумеется, против России. Туда Иран приведет Ирак и Сирию,

а также Хизбуллу и Хамас... Автор это зловещей футурологической схемы отмечает, что у такого блока будет могучий самостоятельный потенциал даже и без поддержки США!

И, наконец, есть еще одно обстоятельство достаточно нелицеприятное для обоих государств. А именно то, что Россия воспринимает Иран как замороженную угрозу, возможно, даже по своей сути, более актуальную, чем так называемая «китайская угроза». Российский правящий класс отлично осведомлен, что значительная часть территорий, входящих сегодня в состав СНГ, относятся к ареалу великой иранской цивилизации, и в те или иные эпохи составляли часть политического пространства Ирана.

* * *

Вечная проблема Ирана заключается в том, что он никогда в психологическом, идеологическом и цивилизационном планах ни от кого не зависел, но у него при этом не хватало организационных и технологических ресурсов, чтобы превратить эту фундаментальную внутреннюю независимость во внешнеполитический суверенитет. В этом смысле между Ираном и Китаем есть, ситуативно говоря, много общего. Иран, как и Китай, считает себя Срединной империей, окруженной варварами, которые, однако, являются непреодолимым обстоятельством в силу своего пока физического превосходства. Поэтому Иран в силу разных причин (в том числе по ментальности) не может находиться и не находится ни на чьей стороне: ни на стороне Запада, ни на стороне России. Как был на протяжении всей истории важнейшим самостоятельным игроком, так таковым и остался.

Николай Егоров

Йемен: иранская экспансия или саудовская интервенция?

«Угроза иранской экспансии» в Йемене, по сути, является официальной причиной операции «Решительный шторм», которую — с «благословения» США — возглавила Саудовская Аравия. Истерические заявления беглого президента Мансура Хади о том, что «если Иран возьмет под свой контроль Баб-эль-Мандебский пролив, то ему не надо уже будет иметь атомную бомбу» нашли отклик в арабских столицах. Но все ли безупречно в версиях, которые предлагают нам масс-медиа, рассказывая о Йемене?

Сроки, за которые операции «Решительный шторм» из идеи стала реальностью, за которые оформилась «коалиция», по сути — «арабское НАТО», и, наконец, та скорость, с которой Белый дом принял решение о поддержке силовой акции против Йемена, — вот, пожалуй, самое интересное в этой истории. Судите сами. Фактический контроль над частью Йемена и его столицей шиитское ополчение установило еще летом прошлого года. Контроль настолько плотный, что президент Абу Мансур Хади выполнял все то, что диктовал ему политсовет хуситского движения, в частности, отправил в отставку премьер-министра Мухаммеда Басандва. Если говорить о признаках «государственного переворота», то он произошел еще в прошлом году, хотя официально об этом никто не объявлял.

Если саудиты так серьезно пеклись о «сохранении конституционного строя в Йемене», то обращаться к международному сообществу надо было именно тогда. Но в том и дело, что наряду с отстранением Хади от власти в стране началось движение за национальное примирение. Всем участникам конфликта было ясно, что дальнейшее развитие конфликта разорвет Йемен на части, и ни одна из сторон — хуситы, бывший президент Салех и шафииты Юга — не обладают возможностью прийти к власти единолично. Только в составе коалиции, для создания которой требовалось время. Когда договоренности о мирном решении вопроса о власти и последующем распределении постов начали обретать конкретные очертания, когда возник союз между шиитским ополчением и Салехом, что, собственно, и сделало возможным успехи хуситов в установлении контроля над остальными провинциями страны, отношение внешних игроков к ситуации внутри страны резко начало меняться.

В начале января нынешнего года последовало резкое заявление советника египетского президента Ахмада Муслимани о том, что «существует заговор

с целью раскола арабских стран по линии сунниты-шииты», что сценарий этого заговора успешно реализуется в Сирии, Ираке, Йемене и Ливане. Организатор этого раскола назван не был, но для всех было понятно, что речь идет именно об Иране. Именно тогда, в январе нынешнего года и прозвучал тезис о том, что «конечная цель Хуси — установление контроля над «вратами слез», Баб-эль-Мандебским проливом, что является серьезной угрозой безопасности и для Египта, и для Саудовской Аравии, и для других стран региона». Шар был брошен, а дальше слушавшим заявлении Муслимани предлагалось додумать самостоятельно: если за Хуси стоит Иран, то, очевидно, именно Тегеран заинтересован в установлении контроля над одним из ключевых мест транспортировки энергоресурсов из Персидского залива.

«Мутный» президент Хади

Влиятельные представители иранских политических элит горячо приветствовали успехи шиитского движения в Йемене. Говорилось и о «стратегической глубине до побережья Средиземного моря и Баб-эль-Мандебского пролива между Африкой и Аравийским полуостровом», и о распространении влияния Тегерана от Ливана до Йемена, а движение «Ансар Аллаха» сравнивалось с ливанской Хизбаллой. Подобные заявления действовали на арабский мир как «красная тряпка на быка». Но серьезных шагов не предпринималось, поскольку, во-первых, прямых доказательств того, что шиитское движение Йемена получает финансы и вооружение из Тегерана, так и не удалось получить, а, во-вторых, тот же Эр-Рияд прекрасно понимал, что его вмешательство в йеменский кризис вызовет крайне острую реакцию Тегерана. Реакцию с непредсказуемыми для саудовской династии последствиями. Нужно было выбрать момент, когда Иран не смог бы оперативно и жестко отреагировать на атаку, и такой момент был более чем удачно выбран именно в конце марта, когда промежуточные переговоры по иранской ядерной программе вышли на финишную прямую.

22 января президент Хади подал в отставку. В Йемене этот шаг восприняли вполне спокойно, был назначен временно исполняющий президентские обязанности и началось формирование временного правительства. Столица страны была полностью под контролем хуситов, как, впрочем, и основные государственные учреждения. Но спустя три дня, 25 января, Хади внезапно заявляет, что он передумал и свое прошение об отставке отзывает. И вновь в Йемене к этому отнеслись достаточно безразлично, поскольку для Хади «поезд уже ушел» и его возвращение к власти никто всерьез не рассматривал.

Но совершенно иное мнение по этому поводу было у «широкой международной общественности». К возвращению Хади на пост президента призвал сам генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. И с этого момента Эр-Рияд и его союзники в арабском мире начали раскручивать маховик информационной кампании о «государственном перевороте», «необходимости восстановления конституционного строя», словом стали на весь мир рыдать

**Влиятельные
представители
иранских поли-
тических элит
горячо привет-
ствовали успехи
шиитского дви-
жения в Йемене**

о «попранной демократии в Йемене» и заживо свергнутом «единственном законном президенте». Который «чудесным образом» бежит из-под домашнего ареста и вскоре объявляется на суннитском Юге страны — в Адене, откуда на весь мир заявляет, что хуситы — марионетки Ирана, что страна в опасности, а Тегеран намерен разместить в Северном Йемене ракеты, которые будут направлены на Саудовскую Аравию.

И, наконец, финальный аккорд: ссылаясь на Статью 51 Устава ООН, в которой говорится о праве государств на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения, Абу Мансур Хади обращается к Лиге арабских государств и Совету Безопасности ООН с просьбой оказать «незамедлительную поддержку легитимным властям Йемена (то есть, себе — И. П.) любыми доступными способами». После чего из Адена срочно убывает в Саудовскую Аравию.

Мифическая «иранская угроза» и реальная интервенция

После того, как Хади озвучил все тексты, написанные для него режиссерами «Решительного шторма», события пошли по нарастающей. Коалиция государств, желающих поучаствовать в восстановлении конституционного порядка в Йемене, сформировалась практически мгновенно. Не менее оперативно действовал и Белый дом: срочно состоялось заседание Совета Национальной Безопасности США, на котором было принято решение оказать нацелившемуся на Йемен «арабскому НАТО» во главе с Эр-Риядом всю возможную «организационную помощь» и предоставить необходимые разведданные. Подобная оперативность возможна только в одном случае: операция против Йемена готовилась как минимум за несколько месяцев до ее официального начала. И старт этой операции был жестко привязан к проходящим в Лозанне переговорам по ядерной программе Ирана.

Действительно, сегодня Тегеран оказался в крайне сложном положении. Резкое осуждение «Решительного шторма» уже прозвучало из уст иранских дипломатов, но главный вопрос заключается в том, что для Ирана возникла трагическая дилемма — либо жестко отреагировать на интервенцию «арабского НАТО» практическими шагами и тем самым поставить под угрозу заключение соглашения и вопрос о снятии санкций. Либо проглотить, как бы горка она ни была, эту пилюлю, достичь подписания долгожданного договора с «шестеркой» международных посредников, и уж только потом приступить к решению вопроса о поддержке йеменских шиитов.

Судя по всему, Тегеран склоняется сегодня ко второму варианту, поскольку любому непредвзятому наблюдателю сегодня ясно — единственное, чего «арабское НАТО» добьется «Решительным штормом», будет затяжное кровопролитие в Йемене. Шедшая к завершению очередная гражданская война в стране сейчас вспыхнет с новой силой. Пресловутое «противостояние суннитов и шиитов», о котором так любят говорить масс-медиа, именно сейчас, после неприкрытой интервенции, станет реальностью. Поскольку оно, что предпочитают не замечать, по большей части является «внешним проектом», который реализуют Вашингтон и его региональные союзники. Мифическая «экспансия Тегерана», подкрепленная ложью об «иранских ра-

кетах в Йемене» и «тегеранских марионетках-хуситах», обернулась вполне реальной интервенцией.

Споры о ее легитимности вести уже поздно. Исходя из собственных стратегических интересов, США уже ее одобрили. Эр-Рияд также крайне заинтересован в успехе операции, поскольку именно он является главным региональным выгодополучателем. Полной победы ни саудитам, ни всему «арабскому НАТО» в Йемене достичь не удастся. Но если хуситы будут отброшены на север, если их союз с бывшим президентом Салехом окажется разрушенным, а страна будет разделена на две части — причем ее шиитские районы окажутся, по сути, в блокаде — Эр-Рияд вновь вернет себе лидерство в арабском и исламском мире, пусть и не на слишком долгое время.

Москва, Пекин, Тегеран и последствия интервенции в Йемен

Успех «Решительного шторма» обернется серьезным ударом по иранским позициям в регионе. Шиитам Аравии придется забыть об идеях и принципах «Возрождения» — борьбы за свои права — поскольку в случае пусть даже и частичного, но все же поражения хуситов наступит время реакции, вдохновителями которой выступят суннитские монархии Персидского залива. Для амбициозных целей «возвращения лидерства Эр-Рияда» королю Салману требуется крепкий и спокойный тыл, который без «умиротворения» Йемена создать невозможно. А это пресловутое «возвращение лидерства» — ни что иное, как победа над Тегераном в региональной холодной войне, никаких иллюзий на этот счет быть не должно.

Операция «Решительный шторм», помимо прочих последствий, будет способствовать тому, что на вполне «законных основаниях» — поддержка стратегического партнера — США расширят свое присутствие и на Африканском роге, и в том же Баб-эль-Мандебском проливе. Это создает дополнительные угрозы уже для Пекина, поскольку здесь проходит маршрут более чем половины китайского импорта энергоресурсов.

У России пока нет серьезных стратегических интересов в Йемене, но усиление позиций Саудовской Аравии само по себе является чрезвычайной опасностью для Москвы, поскольку если «иранская экспансия» — штука достаточно мифическая, то экспансия саудитов в зоны национальных интересов России — от Кавказа до Центральной Азии — вещь вполне реальная и достаточно кровавая.

Россия просто настрадалась от действий Саудовской Аравии. Сколько можно терпеть ее издевательства над нами? Достаточно вспомнить, как этот марионеточный проамериканский режим на протяжении всей нашей новейшей истории наносил нам огромный вред и причинял неисчислимые беды. Он активно помогал вместе с США развалу Советского Союза, постоянно сбивал и сбивает цены на нефть, подрывая основы нашей экономики, финансировал и отправлял к нам ра-

Успех «Решительного шторма» обернется серьезным ударом по иранским позициям в регионе

дикальных исламистов и террористов всех мастей, поддерживал и был идеологическим вдохновителем сепаратистов в Чечне и на Кавказе, постоянно шантажировал Россию по ИЯП, конъюнктуре нефтяного рынка, дестабилизацией ситуации на Большом Кавказе, Центральной Азии и главным образом в Сирии, нашего главного союзника в Средиземноморье.

Стоит ли России в этой ситуации реагировать на новую интервенцию Саудовской Аравии спокойно, тем более, когда затрагиваются наши стратегические интересы? Вряд ли! Сейчас хуситы наступают, но у них нет авиации и эффективных средств ПВО. Почему США и странам НАТО можно поставить Украине новейшее вооружение, а России, например, нельзя перебросить хуситам средства ПВО для соблюдения баланса сил? Это вполне отвечало бы нашим интересам, кстати, эти поставки можно было бы организовать через представителей элиты Южного Йемена. Там у нас неплохие позиции имеются. Более того, если бы России и Ирану удалось убедить хуситов интегрировать элиты Южного Йемена в новую политическую систему, то у нас появились бы неплохие шансы вернуться в Йемен и надолго. Геополитическая ось Россия-Иран-Йемен стала бы новой реальностью, которая в корне изменила бы геополитическую картину мира.

Еще один интересный момент. По всей видимости, операция в Йемене не окажет сколько-нибудь серьезного влияния и на цены на нефть. Есть все основания предполагать, что текущее состояние этих цен будет поддерживаться не биржевыми механизмами. Иначе, как можно понять — напряженность нарастает с каждым днем, а цены на нефть падают с такой же скоростью.

Тем не менее, как бы там ни было, при том, что события развиваются по самому негативному сценарию, сгладить негативные последствия «Решительного шторма» все же еще возможно, причем политическим путем. Во-первых, Москва, с учетом ее связей, может и должна выступить посредником широкого внутрийеменского диалога, координируя эти действия с Тегераном и Пекином. Во-вторых, столь скоростно созданное «арабское НАТО» не является несокрушимым монолитом, у каждого из участников коалиции есть свои интересы и далеко не все они в восторге от лидерских амбиций саудитов. Словом, возможностей для дипломатического маневра здесь более чем достаточно. Была бы политическая воля и трезвость мышления наших политических чиновников...

* * *

Интервенция в Йемен — это отнюдь не «возня на задворках географии». Ирак, Сирия, Йемен — это звенья одной цепи, эпизоды борьбы Эр-Рияда за региональную гегемонию и борьбы Вашингтона за гегемонию глобальную. И с этой точки зрения представлять события в этой многострадальной стране как «ирано-саудовское противостояние», никакого отношения к остальному миру не имеющее, — очень близорукий и ошибочный взгляд.

Амелина Я. А., глава Кавказского геополитического клуба

Внешняя политика Ирана: осетинское направление

Несмотря на давние исторические связи персов и осетин, хронология осетино-иранских контактов последних пятнадцати лет показывает, что вплоть до конца 2013 г. они развивались от случая к случаю, главным образом, *по инициативе тех или иных официальных представителей ИРИ*. Отправной точкой перехода их на новый качественный уровень стало назначение нового посла ИРИ в РФ (9 декабря 2013 г. им стал Мехди Санани, в начале двухтысячных годов руководивший культурным центром иранского посольства в Москве), а также необходимость диверсификации и интенсификации транспортных потоков по маршруту Иран-Закавказье-Россия для Тегерана. *Немаловажной составляющей попыток усиления иранского влияния в Осетии является религиозно-идеологический проект, продвигаемый Ираном в зонах своего особого интереса в России и на всем постсоветском пространстве.*

Первые попытки установления связей с Осетией были предприняты Мехди Санани в ноябре 2001 г. Обсуждался вопрос организации в Северо-Осетинском государственном университете центра по изучению персидского языка и литературы, который открылся спустя несколько лет (после чего закрылся, и вновь открылся 4 сентября 2014 г.)¹.

В апреле 2007 г. Владикавказ с рабочим визитом посетил посол ИРИ в РФ Голамреза Ансари. В рамках визита, начавшегося с посещения мемориального комплекса в Беслане, состоялись Дни иранской культуры, а также круглый стол «Проблемы ирановедения: история и современность» в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований². В обращении участников круглого стола к правительствам двух республик отмечалось, что «народы Ирана и Осетии-Алании связаны общим происхождением, древним языковым и культурным родством».

Предлагалось создать Координационный совет деятелей науки и культуры Ирана и Осетии для разработки и сопровождения совместных проектов и программ, открыть во Владикавказе Иранский культурный центр, ежегодно

¹ Республика Северная Осетия-Алания. С визитом прибыли представители посольства Ирана в России. ИА Regions.ru, 23 ноября 2001 г. <http://regions.ru/news/667901/>

² Дмитрий Тамерланов. Северная Осетия расширяет контакты с Ираном. «Кавказский узел», 17 апреля 2007 г. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/112071/>

проводить Дни культуры Ирана в Осетии и Осетии — в Иране, обеспечить государственную поддержку совместных научных исследований по иранскому языкознанию, истории и культуре иранских народов, разработать совместную программу подготовки научных и педагогических кадров по ирановедческим специальностям, а также аналогичную программу подготовки и обмена специалистами в области литературы, изобразительного искусства и музейного дела³. Большинство этих планов реализовать не удалось.

Ансари также посетил Северо-Кавказский горно-металлургический институт и научно-производственное объединение «Баспик», выпускающее приборы ночного видения и другую не имеющую аналогов высокотехнологичную продукцию. В марте 2014 г. иранцы снова были на «Баспике», и во время сентябрьского визита во Владикавказ посол Санай вновь напомнил республиканским властям об иранском интересе к нему.

В ходе все того же визита в 2007 г. Ансари подчеркнул *важность взаимных студенческих обменов и стажировок специалистов*. Предполагалось также, что вскоре будет определена одна из провинций Ирана, с которой Северная Осетия установит тесные, «побратимские» контакты (это обычная практика ИРИ — так, например, «побратимом» Казани является Тебриз, столица провинции Восточный Азербайджан⁴). Оба предложения не были претворены в жизнь, однако иранцы не забыли об этих инициативах, и в сентябре 2014 г. Санай вновь озвучил во Владикавказе все перечисленные планы.

По словам Ансари, «Осетия и Иран — братья. У нас общие исторические корни и похожие языки»⁵. Следует отметить, что иранцы, заинтересованные в росте религиозно-идеологического влияния, склонны видеть свою историческую и религиозную общность, пожалуй, со всеми интересующими их народами, населяющими Российскую Федерацию. Так, сотрудники иранского консульства в Татарстане неоднократно публично заявляли о «братстве по религии и культуре» с татарами⁶, хотя найти между ними что-то общее весьма затруднительно.

В 2009–2010 гг. последовали рабочие контакты на уровне торгпредства РСО-А в Москве (речь шла о сотрудничестве в сфере производства продуктов питания, экономики, образования и культуры, а также, в очередной раз, об организации студенческого обмена и взаимных посещений специалистов из Северной Осетии и Ирана)⁷. На тот момент эти переговоры не принесли практического результата. В 2013 г. товарооборот между Ираном

3 Джаннат Сергей Маркус. Северная Осетия-Иран: восстановление родства. Портал «Ислам в РФ», 24 апреля 2007 г. <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusnews/78>

4 Казань и Тебриз стали побратимами. ИА «Росбалт», 16 января 2009 г. <http://www.rosbalt.ru/2009/01/16/610380.html>

5 Джаннат Сергей Маркус. Северная Осетия-Иран: восстановление родства. Портал «Ислам в РФ», 24 апреля 2007 г. <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusnews/78>

6 См., например: Яна Амелина. Братья по религии и культуре. ИА «Росбалт», 2 апреля 2008 г. <http://www.rosbalt.ru/2008/04/02/471049.html>

7 См., например: Пресс-служба постпредства РСО-Алания при Президенте РФ. Северная Осетия и Иран: возможные направления сотрудничества. 3 октября 2009 г. <http://osradio.ru/osetija/19079-severnaja-osetija-i-iran-vozmozhnye-napravlenija.html> и Пресс-служба Постпредства. Состоялась встреча сотрудников Постпредства РСО-А при Президенте РФ с советниками Посольства Исламской Республики Иран в РФ. 11 марта 2010 г. <http://osradio.ru/politika/23328-sostojalas-vstrecha-sotrudnikov-postpredstva-rso.html>

и Северной Осетией составил 345 тысяч долларов, что, хотя и в 6,5 раз больше, чем годом ранее, но все же представляет собой мизерную сумму (для сравнения — товарооборот между ИРИ и Ставропольским краем достигает 20 миллионов долларов).

Ощутимый толчок развитию осетино-иранских отношений дала смена посла ИРИ в РФ. 30 декабря 2013 г. новый глава дипломатического представительства Ирана Мехди Санаи (к тому времени лишь три недели занимавший этот пост — сопоставление этих дат показывает, *какое значение придается Тегераном месту и роли Осетии на современном этапе*) посетил полпредство РСО-А с дружественным визитом⁸. «У меня давние контакты и большие симпатии к Осетии еще с тех пор, когда я работал советником посла, — отметил он. — *С осетинами у нас вообще одна историческая общность*». Посол высказал намерение «налаживать с вашей республикой экономические, исторические, культурные связи», что практически сразу и начал реализовывать.

5 марта 2014 г. во Владикавказе прошел представительный бизнес-форум «Развитие делового сотрудничества бизнеса Юга России, Кавказа и Исламской Республики Иран», в котором участвовали представители торгово-промышленных палат, бизнеса и чиновничества *всего Северного Кавказа*⁹. Смысловым стержнем, вокруг которого выстроилось данное мероприятие, стал доклад заместителя директора московского Центра стратегической конъюнктуры Михаила Чернова «Транспортный коридор Иран-Армения-Грузия-Россия». По словам эксперта, после строительства 150 километров железной дороги Алагир-Цхинвал и восстановления участка Цхинвал-Гори Северокавказская железная дорога получит *прямой выход на Армению и Иран*, что резко оживит экономическое сотрудничество в регионе. Выступление получило широкий резонанс. Чиновники РСО-А и РЮО, а также рядовые жители Владикавказа и Алагира, рассчитывающие на новые рабочие места, с нетерпением ждали подтверждения информации о начале строительства дороги из Москвы.

3–4 сентября 2014 г. Мехди Санаи посетил Владикавказ. В ходе визита, начавшегося с участия в траурных мероприятиях, посвященных десятой годовщине бесланской трагедии, он встретился с главой республики Таймуразом Мамсуровым, председателем правительства Сергеем Такоевым, представителями бизнес-кругов республики. «*Осетины никогда не были равнодушными к Ирану и его народу...* по известным историческим, культурным, языковым обстоятельствам», — констатировал Мамсуров. Глава республики высказал надежду на активизацию экономического сотрудничества между ИРИ и РСО-А, «горячую заинтересованность» в приходе в Осетию иранских инвесторов и развитии частно-государственного партнерства¹⁰.

⁸ Посол Ирана посетил постоянное представительство Северной Осетии при президенте РФ. Портал «15 регион», 30 декабря 2013 г. <http://region15.ru/news/2013/12/30/20-52/>

⁹ Мадина Тезиева. Сегодня в столице Северной Осетии Владикавказе проходит конференция «Развитие делового сотрудничества бизнеса Юга России, Кавказа и Исламской Республики Иран». <http://osradio.ru/ekonomika/69342-segodnja-v-stolice-severnoj-osetii-vladikavkaze.html>

¹⁰ Таймураз Мамсуров и Мехди Санаи обсудили возможное сотрудничество между Северной Осетией и Ираном в культурной и экономической сферах. Официальный сайт главы РСО-А, 4 сентября 2014 г. <http://glava.rso-a.ru/main-news/2203/>

Посол Санаи отметил, что *Осетия — «сильный элемент в обеспечении безопасности на Кавказе»*, который «будет играть достойную и серьезную роль в наших взаимоотношениях с Российской Федерацией — как часть России и как земля, которую мы любим, с которой у нас общие корни, культура, традиции». Говоря о «глубоких корнях наших связей», он привел в пример персидское генконсульство, действовавшее во Владикавказе до 1917 г., а также *наличие в городе иранской мечети*.

Среди конкретных направлений осетино-иранского сотрудничества, помимо вышеперечисленных, Мехди Санаи назвал:

- развитие культурных отношений в области искусства и кинематографии, а также образования: восстановление кабинета персидского языка в СОГУ, «присутствие различных осетинских делегаций в Иране, привлечение делегаций из Ирана», участие осетинских групп в международных культурных программах, *ежегодное направление в СОГУ и другие вузы республики 5–10 иранских студентов с перспективой увеличения их числа (об обратном потоке не упоминалось)*;
- экономическое сотрудничество в сфере организации импорта в РФ иранских овощей и фруктов, что особенно перспективно в свете наложенных на Россию санкций ЕС и США, а также закупок Ираном осетинской кукурузы и зерна (в декабре 2013 г. сообщалось, что иранцы готовы приобрести в Северной Осетии 250 тыс. тонн зерна, но не сошлись в цене с производителями¹¹);
- сотрудничество в транспортной сфере: напомнив, что иранские товары идут в Россию через порты Махачкала и Астрахань, а автоперевозками — через Дагестан, Санаи рассказал, что еще четыре месяца назад попросил главу российского таможенного ведомства Андрея Бельянинова добавить к этим дорогам и североосетинский маршрут. Северная Осетия, ожидая в Иране, должна представить соответствующие технические характеристики. По мнению Мамсурова, *«после того, как в Грузии к руководству пришли прагматичные политики, уже не существует препятствий для свободного перемещения товаров и людей»*¹².

В ходе визита посла Санаи в Осетию впервые четко проявилась религиозно-идеологическая подоплека иницируемых Тегераном контактов с «братскими народами». «Наши российские друзья прекрасно знают, что у нас нет экстремизма и радикализма, — сказал посол. — Приветствуется большее культурное присутствие Ирана на Кавказе». *В действительности речь идет не о достаточной специфичной культуре Ирана, а об идее противодействия суннитскому исламскому радикализму путем распространения и укрепления шиизма, популярной в некоторых московских кругах. Однако реализация ее на Северном Кавказе, где подавляющее большинство мусульман являются суннитами, невозможна, а в силу ряда обстоятельств — и опасна для национальных интересов РФ.*

Кроме того, Санаи попросил Мамсурова дать поручение *восстановить* построенную в конце XIX века на пожертвования персидских подданных

¹¹ С.Суанов. Об урожайных рекордах и невостребованной продукции. «Северная Осетия», 5 декабря 2013 г.

¹² Таймураз Мамсуров и Мехди Санаи обсудили возможное сотрудничество между Северной Осетией и Ираном в культурной и экономической сферах. Официальный сайт главы РСО-А, 4 сентября 2014 г. <http://glava.rso-a.ru/main-news/2203/>

владикавказскую «*шиитскую иранскую мечеть, которая принадлежит правоверным*»¹³, пообещав при необходимости привлечь для этого иранские некоммерческие и благотворительные организации. Посол напомнил, что до 1917 г. имам этой мечети назначался из Ирана.

Мечеть, в которой в советское время размещался планетарий, а затем разнообразные коммерческие структуры, действительно находится в плачевном состоянии. Однако *осетинские мусульмане, исповедующие традиционный суннитский ислам, не заинтересованы в усилении в республике чуждого иранского шиитского влияния, что неизбежно в случае передачи мечети «правоверным» по сценарию посла Санаи.*

Осознавая возможные последствия этого, Мамсуров уклончиво ответил Санаи, что «мы идем по пути, который Вы предлагаете, и думаю, этот вопрос решим». По всей видимости, единственным решением, исключающим возможность появления в Северной Осетии параллельных исламских духовных центров (опасность этого очевидна), является *передача шиитской мечети на баланс ДУМ.*

Особого интереса заслуживает высказанная в ходе визита посла ИРИ инициатива премьера РСО-А Сергея Такоева о проведении во Владикавказе конгресса ираноязычных стран¹⁴ (к ним относятся Афганистан, Иран, Таджикистан, Южная Осетия, а к ираноязычным народам, пока не имеющим собственной государственности — курды, белуджи, талыши, таты и ряд других).

При этом *стороны не обсуждали, во всяком случае, публично, вопрос возможного признания независимости РЮО со стороны Ирана.* Говоря о «начале большого сотрудничества» с Тегераном в сфере организации стажировок студентов осетино-персидского факультета Юго-Осетинского госуниверситета (договоренность об этом была достигнута в ходе визита в Цхинвал тегеранских преподавателей в июне 2013 г.), в интервью 2 июня 2014 г. президент Южной Осетии Леонид Тибилов констатировал, что «мы намерены вести работу по некоторому сближению позиций Ирана и Южной Осетии»¹⁵. В то же время он достаточно скептичен в отношении перспектив Транскавказской железнодорожной магистрали, прежде всего, из-за непредсказуемости и ненадежности Тбилиси.

Немаловажно, что иранские экономические и другие проекты в Осетии будут реализовываться на фоне начала *мощного проникновения Ирана на Северный Кавказ в целом.* 5 сентября 2014 г. в Пятигорске (Ставропольский край) состоялось второе заседание рабочей группы по межрегиональному сотрудничеству между РФ и ИРИ с участием посла Санаи и заместителя министра регионального развития РФ Сергея Дарькина. В ходе его были подписаны соглашения и достигнуты договоренности о развитии межуниверситетских связей (включая изучение фарси и обмен студентами), транспортных сетей, проведении экономических миссий между регионами двух стран, поддержке экспорта в Иран сельскохозяйственной продукции и импорта в Россию

13 Там же.

14 В.Рязанов. Иран — Осетия: обоюдный интерес в развитии отношений. «Северная Осетия», 5 сентября 2014 г. <http://old.sevos.ru/2014/14-09/14-09-05/01-politika.htm#p02>

15 Михаил Чернов. «Южная Осетия может войти в состав России». Лента.ру, 2 июня 2014 г. <http://lenta.ru/articles/2014/06/02/ruolkh/>

полимера, продуктов питания, овощей и т.д.¹⁶ *Все это свидетельствует о серьезности намерений Ирана относительно укрепления своего влияния в регионе.*

Развитие осетино-иранских связей в сфере экономики, транспорта и культуры в целом можно только приветствовать, однако *попытки религиозно-идеологической экспансии этого государства должны постоянно находиться в поле зрения как местных, так и федеральных государственных органов.* Не имея существенного потенциала реализации, они, тем не менее, способны осложнить отношения внутри местного исламского сообщества, стать косвенной причиной обострения обстановки в религиозной сфере Северной Осетии, внести разлад в межконфессиональный мир в республике.

¹⁶ В Пятигорске определили направления для сотрудничества России и Ирана. <http://news.1777.ru/politicians/21736-v-pyatigorske-opredelili-napravleniya-dlya-sotrudnichestva-rossii-i-irana.html>

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

